

П.А. ВЯЗЕМСКИЙ И В.А. ЖУКОВСКИЙ В 1807–1829 гг.: ИСТОРИЯ ЛИЧНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ)

Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX в.: текстология, комментарий, публикация»).

На материале подготовленной к изданию взаимной переписки П.А. Вяземского и В.А. Жуковского реконструируется история личных и творческих контактов двух выдающихся представителей русской литературы. Определяется место переписки в эпистолярном наследии П.А. Вяземского и В.А. Жуковского и характеризуется тип их дружеских отношений. Выделяются основные этапы общения, обусловленные биографическими обстоятельствами корреспондентов, обобщается диалог литературно-эстетических и общественных взглядов на протяжении 1807–1829 гг.

Ключевые слова: В.А. Жуковский; П.А. Вяземский; переписка; личные отношения; биография; творческие отношения

Для Жуковского и Вяземского новая русская литература началась в первую очередь с «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина, наставника, старшего друга, непререкаемого образца в литературе и в жизни¹. Это определило особую роль эпистолярная в наследии обоих писателей: он мыслился продолжением и неразрывной частью словесности, но принадлежал и сфере обыденной жизни, как публичной, гражданской, так и приватной, интимной. Именно в этом контексте уже в середине 1860-х гг. представлял Вяземский широкому читателю переписку Жуковского, предваряя, в частности, публикацию его писем к великому князю Константину Николаевичу: «Вместе с письмами Карамзина к императору Александру I-му и царскому его семейству и настоящие письма вносят новые сокровища в литературу нашу и новый свет в область нашего гражданского быта» [2. Стб. 1387]. В небольшой преамбуле Вяземский нарисовал выразительный портрет, в котором соединились Жуковский-поэт и Жуковский-публицист, мыслитель, педагог, христианин, придворный.

Старшему товарищу не пришлось издавать эпистолярное наследие Вяземского, но он в не меньшей степени осознавал его высокую ценность и интерес для читателя. Так, 13/25 сентября 1851 г. Жуковский писал Вяземскому из Баден-Бадена в Париж: «Вероятно, ты не подумал взять своих манускриптов с собою <...>. Впрочем, у меня есть материал для твоей работы: большая кипа твоих писем к Тургеневу; было бы прекрасное занятие для тебя и для Павла разобрать их, привести в порядок и выписать из них все то, что может быть издано в свет: бесчисленное множество жемчужин чувства, ума и остроумия. Такой же выбор можно бы сделать и из писем твоих к сыну» [3. С. 69]².

Подобный характер имеет и переписка Вяземского и Жуковского. Продолжавшаяся 45 лет, она теснейшим образом вписана как в историю их личных отношений, так и в эпохальные события современности – от наполеоновских походов и Отечественной войны 1812 г. до европейских революций 1848 г. и переворота Наполеона III, в движение русской и европейской литературы, в контекст общественной мысли и идейных поисков. Для историка литературы эта переписка, включающая в себя 437 сохранив-

шихся документов [4], представляет ценнейший источник сведений, восполняющих многие лакуны в биографии двух важнейших фигур отечественной словесности и в панораме русской культуры первой половины XIX в.

Безусловно, место этого диалога в эпистолярном наследии писателей разнится. Эпистолярный Жуковский относительно компактен (около 3 300 его писем к порядка 450 адресатам и около 5 000 ответных писем от почти 600 корреспондентов) [5. Т. 15–16; 6]. И здесь для Жуковского Вяземский – один из трех важнейших собеседников, наряду с А.И. Тургеневым (около 500 его писем и около 300 ответных) и А.П. Елагиной (267 ее писем и 200 ответных), сохранившаяся взаимная переписка с другими постоянными корреспондентами (А.Я. Булгаковым, А.М. Тургеневым, Р.Р. Родионовым, Е.А. Протасовой) существенно меньше по объему.

Эпистолярный Вяземского несравнимо больше по масштабам, один только его фонд в РГАЛИ включает переписку с более 2 тыс. лиц и, вероятно, более десяти тысяч писем. В этом огромном пространстве общения Жуковский – один из многих персонажей, но, конечно, не рядовой, близкий по значимости к А.И. Тургеневу, изданная [7, 8] и неизданная переписка с которым Вяземского (более 800 писем) шла параллельно и составляет необходимый контекст для понимания переписки с Жуковским, и к А.Я. Булгакову, по преимуществу неизданная переписка с которым, включающая около 1 500 писем, является подлинной хроникой русской жизни 1810–1850-х гг. (семейная переписка Вяземского с женой и детьми здесь не учитывается).

К сожалению, переписка Вяземского и Жуковского сохранилась не в полном объеме: об этом свидетельствуют существенные лакуны, когда за определенные годы отсутствуют письма то одного, то другого автора, в дневнике Жуковского также упоминается ряд писем к Вяземскому и от него, которые до нас не дошли. Основной корпус переписки отложился в Остафьевском архиве РГАЛИ: здесь оказались собрания (Ф. 195. Оп. 1. № 1909, 5083, 5084) почти все известные письма Жуковского, часть их была передана также в его отдельный фонд (Ф. 198. Оп. 1. № 5, 60,

62), лишь единичные письма попали в другие архивы (Всероссийский музей А.С. Пушкина, НИОР РГБ, РНБ, РО ИРЛИ, ИР НБУ); письма Вяземского, за отдельными исключениями (Ф. 195. Оп. 1. № 1250а, 5083), вероятно, не были возвращены ему после смерти друга, и попали в РГАЛИ более сложными путями (Ф. 198. Оп. 2. № 20 и 21). Значительная их подборка осталась у П.В. Жуковского и оказалась в РО ИРЛИ в составе Онегинского собрания (№ 27985), а некоторые письма, адресованные Жуковскому и А.И. Тургеневу совместно, отложились в фонде Тургеневых (Ф. 309. № 2564, 2655, 4795). В РНБ в разных фондах сохранилось еще несколько писем Вяземского.

Несмотря на равную сохранность, эдичионная судьба писем Вяземского и Жуковского оказалась существенно разной. Два письма последнего, преобразованные в статьи, были напечатаны, соответственно, в 1848 г. (о стихотворении «Святая Русь») и в 1856 г. (о меланхолии), но далее до рубежа XIX–XX вв. они почти не публиковались [9–16], да и потом широкому читателю оказались известны только несколько писем, напечатанные (кроме 6 писем в [17. С. 562–567, 570–571, 578–580, 584–585, 588–592, 633–634]) в отрывках [18. С. 403–404; 19; 20. С. 33, 40, 47, 59–61, 110, 111, 151, 152]. В значительной степени на это повлияла сложившаяся в советское время репутация поэта как «реакционного романтика», интересного только в его связях с «прогрессивными» писателями. Ситуация начала изменяться лишь в конце 1960-х – 1980-е гг., когда В.В. Пухов и М.И. Гиллельсон в рамках монографии и отдельных статей опубликовали, частью во фрагментах, частью полностью, более десятка писем Жуковского [3, 21–23]. Новым вкладом в эту копилку стали фрагментарные публикации О.А. Проскурина в сборнике материалов «Арзамаса» [24. Кн. 1. С. 157, 173–174, 228, 270, 284, 304, 316, 364; Кн. 2. С. 343–344, 345–346, 349–350]. Наконец, в 2009 г. А.С. Янушкевич опубликовал еще одно письмо Жуковского [25]. Таким образом, до последнего времени в научный оборот было введено менее 30 полных текстов писем, т.е. седьмая часть всех сохранившихся. Последовательное издание писем Жуковского к Вяземскому началось только в рамках «Полного собрания сочинений и писем», где в 15–16 томах были опубликованы 114 из них в сопровождении многочисленных выдержек из ответных писем Вяземского (в комментариях).

Письмам Вяземского повезло больше, их начали активно печатать еще с 1880-х гг., когда П.П. Вяземский подготовил подборку материалов о А.С. Пушкине из Остафьевского архива [26. С. 27–28, 58–62, 63–64; 27. С. 16–18; 28. Л. 17–20], а Л.Н. Майков опубликовал письмо о больном К.Н. Батюшкове [29. С. 320 (1-й паг.)]. В 1900 г. П.И. Бартенев представил публике самый большой корпус писем Вяземского (42), отбрав те, которых хранились у П.В. Жуковского и ныне находятся в РО ИРЛИ [30]³. Заметим, однако, что публикация была подготовлена довольно небрежно, со значительными купюрами, неверными прочтениями и датировками и перекombинацией текста некоторых писем (одни оказались «склеенными», другие были разделены и напечатаны как особые пись-

ма). Вскоре И.А. Бычков опубликовал еще 3 письма, автографы которых, к сожалению, не сохранились [32]. Еще одно письмо вошло в состав «Остафьевского архива» [7. Т. 5, Вып. 2. С. 157–161], а 4, адресованные совместно А.И. Тургеневу и Жуковскому, – в «Архив братьев Тургеневых» [8. С. 40–44, 46–57]. Однако на этом поток прекратился, и за советский и постсоветский период можно выделить только две значимые работы М.И. Гиллельсона, его монографию о Вяземском, где в извлечениях цитировалось около десятка его неопубликованных писем [21], и публикацию поздней переписки двух авторов, куда вошло 25 писем Вяземского и 8 писем Жуковского 1842–1852 гг. [3]. Все остальные немногочисленные публикации представляли либо единичное письмо, либо небольшие выдержки из писем [20. С. 61–64; 33. Р. 265, 292–293; 34. С. 33; 35. С. 53; 36. С. 52; 37. С. 73, 75, 76; 38. С. 107, 109–114, 120, 121; 39. С. 194–195]. В совокупности, тем не менее, до настоящего момента оказались напечатаны в полном тексте более 80 писем Вяземского, т.е. более трети всех сохранившихся.

Фрагментарная известность переписки, как часто бывает, определила и недостаточную изученность истории взаимных отношений Вяземского и Жуковского. Она ни разу не становилась предметом самостоятельного рассмотрения, хотя ни одна крупная работа, посвященная биографии одного, не обходилась без обращения к другому. Так, Жуковский – частотный персонаж монографий М.И. Гиллельсона [21] и П.В. Акульшина [40], книги В.В. Бондаренко [36], а Вяземский занимает такое же место в исследовании А.Н. Веселовского [41] и биографии В.В. Афанасьева [42]. Если мы обратимся к документальным материалам, то в дневниках Жуковского Вяземский упоминается наибольшее количество раз из всех друзей (кроме А.И. Тургенева) [5. Т. 14. 559–763], соответственно, в записных книжках Вяземского по количеству упоминаний Жуковский уступает только А.С. Пушкину и стоит рядом с А.И. Тургеневым [43. С. 460–505]. Тем не менее известна только одна давняя публикация О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича, где в заглавие вынесена история отношений двух писателей, но и она имеет характер частных наблюдений над новыми документальными материалами их творческого общения [44]. За последние десятилетия опыты критической рефлексии Вяземского, в том числе эпистолярной, о тех или иных проектах Жуковского привлекли внимание И.Е. Прохоровой [37, 38, 45]. В отсутствии фундаментальных исследований проблемы настоящая статья не претендует на сколько-нибудь исчерпывающий анализ и учет всего документального материала, а предлагает лишь очерк начального этапа 45-летней дружбы и биографических и творческих аспектов, ставших предметом взаимной переписки 1807–1829 гг.

Дружба Вяземского и Жуковского была своеобразной и, конечно, глубоко обусловленной особенностями их личности. Жуковский, не стремясь быть центром повышенного внимания, обладал уникальным даром привлекать к себе людей: его любили за ровность характера, открытость, дружелюбие, готов-

ность поддержать и помочь, за умение душевно про-светлять и облагораживать все, что попадало в его жизненную сферу. Не было исключением и Вяземский: если мы вспомним его первые и последние письма к Жуковскому, то они, несмотря на то, что прошло более сорока лет, поражают созвучием мотивов. 2 августа 1808 г. он писал: «Я Вас искренно люблю и именно скажу почему: мне нравится душа Ваша, она благородна, кротка; мне нравится ум Ваш, и нравится чрезвычайно, он философский, плюет на почести, не жалеет, что не блистает у двора или под шляпою с плюмажем — довольствуется углом, беседою с музами, с приятелями и к черту посылает почести, педантство; мне нравится лоб Ваш, он не всегда нахмурен, на нем нет печати вечной суровости; мне нравится авторский талант Ваш <...>; наконец, мне нравится странность некоторых Ваших мнений и мыслей» [46. Л. 48 об.—49]. 20 февраля / 3 марта 1852 г., подводя итоги жизненного пути, Вяземский восхищался неизменностью этих качеств друга: «Завидую твоей духовной бодрости и ясности душевной, которая есть Божья благодать и, вместе с тем, благоприобретенная собственность, усвоенная всею прошедшею жизнью, правильными и постоянными трудами, мудрыми хозяйственными распоряжениями и мерами в управлении собою и жизнью» [3. С. 70].

Темперамент Вяземского был другим — несравненно более эмоциональным, порывистым, иногда даже экзальтированным, а склад мысли — ироническим, не чуждым сарказма, нуждающимся в оппонентах и полемике. Иногда подобная увлеченность перерастала в эгоцентрическую глухоту к мнению друга и порождала конфликты, очень не свойственные терпеливому и добродетельному Жуковскому. Так, 12 ноября 1818 г. он отчитывал товарища: «Мне бы не хотелось, чтобы ты в твоём обхождении со мною сбивался несколько на обхождение с Васильем Львовичем; я не желал бы, чтобы я и *кариатура* были всегда неразлучны в твоём уме. Привычка к такого рода шуткам нечувствительно может оборотиться в образ мыслей; я желал бы, чтобы ты с твоим чувством ко мне обходился как с *недотрогой* и берег бы его для самого себя в некоторой чистоте» [5. Т. 16. С. 29]. Спустя десять лет, в разгар событий, развернувшихся после доноса на Вяземского о его «развратном поведении», он написал Жуковскому очень язвительное и укоряющее письмо, настолько оскорбившее друга, что он его «изорвал и бросил», о чем сообщал 10 ноября 1828 г.:

Если у тебя рука поднялась написать ко мне такое письмо, то у меня рука не поднимется на отвратительное для меня оправдание или, лучше сказать, на опровержение твоих полубуффонских ругательств. Не знаю, как ты называешь то чувство, которое ко мне имеешь и при котором можешь позволить себе так писать ко мне и так обо мне мыслить. Если ты его называешь дружбою, то избавь меня от такой дружбы. За такую цену она мне не надобна. <...> я решительно не хочу читать таких писем, каким ты меня попотчивал. Я раздумал его возвращать тебе, а поступил с ним просто: изорвал и бросил. Но не изорвал его в памяти [47. Л. 19, 23].

Подобные эпизоды, конечно, не означали разрыва дружбы, но показывали особый ее характер. Здесь сказались разница воспитания: Жуковский вполне унаследовал сентименталистский культ камерной дружбы как глубокого эмоционального контакта, достигающего до подлинной интимности — и до подобных отношений допускал очень немногих, тех, кого любил (М.А. и А.А. Протасовы), был связан с юности (Ан. и Ал. Тургеневы), некоторых родственников (А.П. Киреевская-Елагина). Вяземский, с ранней юности вступивший в свет, имел мало опыта подобного камерного общения, его стихией была дружба не как взаимопроникновение душ, а как интенсивный взаимообмен — эмоциями, мыслями, высказываниями, жестами. Именно такой характер имела, в частности, его дружба с А.И. Тургеневым, где было очень немного сокровенной интимности, но много универсальной открытости. Настрой младшего товарища определил и характер общения с Жуковским, который можно, пожалуй, определить как дружеское сотрудничество в публичном поле — светском, литературном, придворном, деловом — с заинтересованным и теплым участием в семейных или личных проблемах. Подобная модель — даже при отдельных эпизодах недовольства и попытках перестроить отношения, — очевидно, устраивала обоих, что обусловило прочность контактов на протяжении почти полувека.

Становление дружбы пришлось на 1807–1809 гг. и не обошлось без чрезмерных экзальтированных надежд 15–17-летнего Вяземского и осторожной ровности 24–26-летнего Жуковского. Их личное знакомство пришлось на первую половину 1807 г., когда Вяземский вернулся в Москву из петербургского пансиона и жил в доме профессора медицинской химии Ф.Ф. Рейсса, беря уроки у других профессоров Московского университета, а затем, после смерти отца А.И. Вяземского, то в Остафьево, то в доме Карамзина. С университетской средой и кругом Карамзина активно контактировал и Жуковский. В 1870-е гг. Вяземский вспоминал: «Со вступлением Карамзина в семейство наше — русский литературный оттенок смешался в доме нашем с французским колоритом, который до него преодолевал. По возвращении из пансиона нашел я у нас Дмитриева, Василия Львовича Пушкина, юношу Жуковского и других писателей» [48. Т. 1. С. XXVIII–XXIX]. Посещение Жуковским дома Карамзина, вероятно, сопровождалось и беседами с юным Вяземским, о которых тот с удовольствием вспоминал в первом сохранившемся письме от ноября 1807 г. [46. Л. 95], написанном вскоре после возвращения будущего издателя «Вестника Европы» из Белева в Москву.

Приятельские отношения с начинающим журналистом, вольно или невольно являвшимся в этом плане преемником Карамзина, определили литературоцентричность общения, отразившуюся и в письмах Вяземского, полных разнообразными планами произведений (перевод из речей Цицерона, поэма о весне, «Послание к Жуковскому в деревню», перевод из Ж. Неккера, «Безделки» в соавторстве с Д.П. Севериным) и стихотворными опытами, шутливыми и неуклюжими. В Жуковском молодой поэт нашел и добро-

желательного ценителя, и строгого редактора, и литературного наставника, фактически переписавшего его первый опубликованный в «Вестнике Европы» опыт – «Послание к Жуковскому в деревню». Пытаясь быть полезным, Вяземский сообщает отзывы, поправки и советы Карамзина и Дмитриева по поводу произведений Жуковского, переводит для него реляции о военных действиях из французских газет, а в ответ получает доступ к творческой лаборатории поэта, его рукописям стихов [4. Т. 1].

Столь же напористо он попытался наскоком превратить приятельство в настоящую дружбу, потребовав спустя едва ли год после знакомства и нескольких приездов Жуковского в Остафьево решительного ответа: «Два ответа: благословляете ли Вы меня для стихов, описывающих весну, и признаете ли Вы меня другом своим» [46. Л. 129 об.] (26 июля 1808 г.). Издатель «Вестника Европы», уже имевший опыт настоящей дружбы и даже потерявший задушевного товарища Андрея Тургенева, относился к подобным вопросам более трезво и рефлексивно и даже сформулировал собственную концепцию «осознанной» дружбы в письмах к А.И. Тургеневу 1805 г. [5. Т. 15. С. 26–34]. Именно так, возлагая надежды на естественное развитие отношений, он ответил и на призыв младшего товарища в письме от 30 июля 1808 г.:

Хорошее начало нашей дружбы, любезный князь! С первого шагу не понимаем друг друга! <...> Я, право, уверяю Вас, что я *теперь* искренно Вас люблю, что я Ваш *приятель*, что *желаю* и с этой минуты буду *стараться* быть Вашим другом: мне кажется, большего нельзя ни Вам ожидать от меня, ни мне ожидать от Вас *на эту минуту*. Но я же писал к Вам в том же письме, что мы можем сделать из своей *будущей* дружбы что-нибудь важное для всей своей жизни – разумеется, это случится только тогда, когда с обеих сторон будет одинакое желание, одинакое усилие <...> Еще Вам повторяю, что дружба может быть произведением не двух слов, крупно написанных и подчеркнутых, а связи, основанной на взаимной уверенности, что мы нужны друг для друга: итак, любезный князь, сделаемся нужными друг для друга, и мы будем друзьями [5. Т. 15. С. 66].

Вяземский урок принял, хотя и не согласился с товарищем, попытавшись на ходу сочинить собственную философию дружбы: «Признаюсь, что мысли мои о дружбе различествуют с Вашими: оставляя материю сии до первого нашего свидания, скажу Вам теперь только то, что дружба, по-моему, может не рождаться от уважения, напротив, уважение от дружбы. <...> Я очень рад быть Вашим приятелем. Оставляю судьбе нас сделать друзьями, если она того захочет» [46. Л. 48] (2 августа 1808 г.). К счастью, судьба распорядилась именно так, как того желали оба литератора.

Уже к 1809 г. регистр их отношений существенно изменился. Трудно судить, как на это реагировал Жуковский, поскольку его письма за 1809 г. не сохранились, но Вяземский решительно начал завоевывать новые пространства доверительности. В частности, только из его писем к Жуковскому мы узнаем о двойной «утаенной» любви: князя к М.А. Волковой, дружба с которой продолжилась и в

дальнейшем, и замужней А.И. Плещеевой, старшей его 16 годами и уже известной внебрачными связями, к князю. О своем чувстве Вяземский также писал 22 марта 1809 г. графу П.Д. Киселеву [49], не назвав, однако, имени возлюбленной. 23 мая 1809 г. в большом, написанном по-французски письме, он вполне посвятил старшего друга в перипетии своей страсти. Нетрудно заметить, что сюжет, рисуемый 17-летним князем, выполнен по литературным образцам и полон мелодраматизма: здесь и свидания в доме брата М.А. Волковой, и расставание, породившее «бездну страданий» («Все кажется мне мертвым вокруг меня: ничто не пробуждает во мне чувство счастья. Умерло ли оно навсегда? Должен ли я в цвете лет отдаться горю?»), и письма А.И. Плещеевой, украдкой доставляемые слугой мужа и предрекающие ее горькую участь («Она говорит мне о своей скорой смерти, и получается, что именно я толкаю ее в могилу»), и, наконец, мотивы оссианизма – ночь, осенние ветры, одиночество. Появляется здесь и имя Вертера, на историю несчастной любви которого спроецирован весь сюжет. Вероятнее всего, Вяземский домыслил и преувеличил и свое кратковременное любовное увлечение и страсть А.И. Плещеевой («Меня преследуют эти два образа даже во сне, так что и ночь едва ли приносит мне отдохновение. Любовь одной роет ей самой могилу, моя любовь к другой готовит могилу мне» [46. Л. 30–31 об.]), к счастью, не приведшие ни к каким драматическим последствиям. Однако Жуковский, вскоре сблизившийся с Плещеевыми, был обеспокоен, чтобы никакие следы этого романа не всплыли неожиданно, и в письмах от первой половины октября и 6 ноября 1811 г. просил уничтожить любовную переписку А.И. Плещеевой, что Вяземский и сделал после своей женитьбы:

Я никогда не думал, чтоб можно было мне познакомиться с Плещеев<ыми> коротко и дружески – теперь этому верю, и радуюсь, что моя дикость не помешала мне познакомиться с ними, так, как со многими другими. Жена – премилая женщина, я люблю ее искренно – здесь не худо тебе напомнить о прошедшем! Ради бога, будь скромн! Если ты еще кому-нибудь, кроме меня сделал доверенность, то поступил мерзко; если ж нет, то молчи, а все письма в огонь! Минутная ошибка, произведенная обстоятельствами и горячею кровью, не должна разрушать семейственного счастья. (Об этом ты должен особенной статьей уведомить меня в первом твоём письме: сожжены ли письма и знает ли кто-нибудь другой кроме меня эту тайну!) [5. Т. 15. С. 134].

Другим подтверждением завоеванного права на дружбу стала для Вяземского повышенная требовательность и ироничность по отношению к Жуковскому, сохранившиеся как неотъемлемая черта их отношений вплоть до начала 1830-х гг. Так, после регулярных встреч в Москве в феврале и апреле 1809 г. и сердечных излияний в майском письме, князь разразился ироничной рецензией на 11-й номер «Вестника Европы», где досталось и статье Н.Р. Мамышева, и приписанному В.Л. Пушкину переводу оды Горация, и стихам М.М. Вышеславцева, и переводам Ф. Бунакова, и даже очерку И.И. Дмитриева: «Позволь ска-

зять тебе, что 11 твой № дурен – et que c'est scandaleux, de voir dans un journal rédigé par un homme à talents de misérables traductions d'un misérable Бунакова!»⁴ [50. Л. 3 об.] (середина июня 1809 г.). Подобные сетования мы встретим и в других его письмах – от 19 июля, 4 ноября 1809 г., где они соединились с новой амурной историей Вяземского, случившейся в Перми во время ревизионной поездки с П.А. Обрезковым – влюбленностью в замужнюю С.К. Певцову, которой он предлагал развестись и выйти за него замуж [48. Т. 8. С. 410–411]. От товарища же князь ультимативно потребовал написать мадригал «прекрасной пермянке» [51. Л. 10] (16 сентября 1809 г.).

Для двух друзей последующие 8 лет (1810–1817 гг.) имели разное значение: для Жуковского они стали временем широкого литературного и общественного признания, увенчавшегося активной организаторской деятельностью как фактического главы «Арзамаса» и вхождением в придворный круг, для Вяземского это период нащупывания своей поэтической манеры и определения собственного места в современной словесности. Знаменательно, что самые болезненные моменты в жизни Жуковского, связанные с разрушением надежд на брак с М.А. Протасовой (1814–1815 гг.), оказались вне сферы отношений с младшим другом. Да и их личных встреч за эти годы было не так много, в Москве Жуковский после отхода от редактирования «Вестника Европы» провел лишь первую половину 1810 г., зиму-весну 1811 г. и начало августа 1812 г., а затем возвращался лишь эпизодически (январь – начало марта 1815 г., октябрь – декабрь 1817 г.), к этому можно добавить пребывание Вяземского в Карамзинском в Петербурге в феврале – марте 1816 г. В моменты же приезда Жуковский, интенсивно занимавшийся самообразованием и творческими планами, был вынужден регламентировать контакты с другом, гораздо более свободным в обращении со своим временем, как в письме от начала декабря 1810 г.:

Уговор лучше денег: видаться часто, но вовремя; я еду в Москву не для праздности <...>. Прошу тебя как друга; если ты хочешь, чтобы наши частые свидания были истинным для меня наслаждением, сообразуйся с моим временем и щади те часы, которые посвящены будут мною делу. Почитаю за нужное писать об этом к тебе заранее (и, может быть, заставить тебя посмеяться на мой счет) для того, что ты всегда бывал несколько самоволен. Между нами будь сказано, ты эгоист в своих дружеских связях и никогда не воображаешь, чтобы нужно было сообразоваться в чем-нибудь с своими приятелями; а напротив, думаешь, что им непременно должно с тобою сообразоваться [5. Т. 15. С. 111–112]⁵.

Таким образом, основное общение друзей переносилось в прозаическую и поэтическую переписку, главным содержанием которой становилась литература – и, периодически, отклики на события в личной жизни и деловые хлопоты. Впрочем, и последние нередко приобретали поэтическую форму: так Жуковский в конце октября 1811 г. отозвался на свадьбу друга в шутовом стихотворном письме («Мой

милый друг! // Знать недосуг // Писать к друзьям, // Пристал к мужьям...») и так же в конце 1811 г. попросил его заказать и прислать новый сюртук («Князь Петр, жилец московский! // Рука твоя легка! // Пожалуй сертука!..»). В январе-феврале 1815 г. он также облек в стихотворную форму два своих письма с историей посещения И.И. Дмитриева («Друг мой любезный, князь тупоносый, // В мире сем тленном все пустяки...») и домашними хлопотами («Ах! // Весь я в хлопотах! // Впопыхах!..»).

К сожалению, именно за этот период взаимная переписка очень неполна: почти не сохранились письма Вяземского за 1810–1811 и 1814–1816 гг., а если учесть еще и перерыв общения в ходе Отечественной войны 1812 г., то остается только 1813 и 1817 гг., когда в повседневной жизни князя происходило не так много событий: возвращение из Вологды в разоренную Москву и, к счастью, оставшееся в неприкосновенности Остафьево и новое обустройство – и канун деятельного самоопределения в гражданской службе перед отправлением в Варшаву. О перипетиях взаимных отношений мы узнаем в основном через письма Жуковского, который после отказа от редактирования «Вестника Европы» отходит от активной публичной деятельности и ведет уединенную жизнь в кругу деревенских друзей: «Я здесь живу весьма уединенно; круг мой самый тесный, но самый для меня милый; занятия мои идут довольно порядочно» [5. Т. 15. С. 132] (середина сентября 1811 г.). Этот уход в сферу частную и домашнюю для ближайших товарищей был во многом непонятен, и они, в том числе Вяземский, свои письма наполняли упреками и призывами возвратиться на службу и в столичную литературную среду: «Утешь своих друзей, оживи для них и для отчества. Никто из друзей твоих не может видеть без сожаления упрямство, с которым ты остаешься погруженным в мертвом сне и губишь бездействием прекрасные и редкие твои дарования. Возвратись к сообществу друзей своих и решишь служить. Вот желание всех твоих друзей и всех людей, которых мнения и тобой уважаются» [51. Л. 12] (конец января 1812 г.).

Большим событием, отразившимся в переписке первой половины 1810-х гг., стала Отечественная война, в которой как ополченцы приняли участие оба литератора, но и она не изменила жизненной и творческой установки Жуковского – и призывы Вяземского в письмах 1813 г. вернуться в Москву или поехать в Петербург, «сделаться историком или панегиристом Кутузова» [46. Л. 123 об.], вновь заняться журналистикой остались без ответа. В сохранившихся письмах 1812 и 1813 гг. молодой князь, обзаведшийся семьей и постоянно перемещающийся из Остафьева в Москву, из домашней жизни в публичную, выступал как посредник Жуковского в общении с большим светом: он хлопотал об отставке друга из московского ополчения, сообщал московские литературные и околотитурные новости и, главное, рассказывал о том эффекте, который вызвал «Певец во стане русских воинов»: «Твой “Певец” гремит везде, и даже и те, которые не читают другого, кроме придворного, подчас, месящеслова, а этих у нас богатое число, и те восхи-

щаются «Певцом». Чудо, сотворенное тобою, удивительнее чуда Орфея» [46. Л. 35] (10 июля 1813 г.).

Успех «Певца», обратившего внимание придворной среды и вторично изданного за счет императрицы Марии Федоровны, показал, что Жуковский нашел не только новую поэтику в соединении личного чувства и исторического материала, но и новую модель творческого поведения, возможности которой стали актуальными для Вяземского и для многих молодых авторов карамзинского круга. Сам князь, как показывают его письма 1813 г., оставался на распутье между традиционными представлениями о литературе как высокой и публичной миссии, до уровня которой не достигали, по его мнению, современные поэты и журналы («Я думаю, нигде нет скучнее и пустее общества нашего. Это ужас, что за люди! Право, Шаликов между ними Вольтером» [46. Л. 113], середина октября 1813 г.), и личными склонностями к домашней, неофициальной поэзии. Последнюю он оставлял для дружеского круга и регулярно отправлял Жуковскому («К подруге», «Послание к Жуковскому. Из Москвы в конце 1812 года», «К моим друзьям Жуковскому, Батюшкову и Северину», «К Батюшкову», «Весеннее утро», «К Александру Яковлевичу Княжнину» и др.). Между тем для Вяземского творческие контакты, отражавшиеся в адресации посланий, оставались атомарными и принадлежали скорее к личной сфере, недаром эти стихотворения в большинстве так и оставались неопубликованными до 1820-х гг.

Жуковский, даже живя в деревне, умел институционализировать домашнее литературное общение. Так в чернско-муратовском круге Протасовых, Киреевских, Плещеевых родилась в 1811–1814 гг. «Академия любопытных нахалов» («Académie des curieux impertinents»), чья юмористическая и пародийная деятельность не просто оформлялась в виде заседаний с протоколами или «периодических изданий» («Муратовская вошь», «Муратовский сморчок»), но и выходила за пределы кружковой лаборатории, чему удивлялся Вяземский в письме от 18 мая 1812 г., прочтя ответ Жуковского («Послания к Плещееву. В день Светлого Воскресения») на стихотворное французское послание А.А. Плещеева «Épître à Joukoffsky»: «Есть стихи прелестнейшие, носящие печать Жуковского, есть иные и не носящие ее. Дивлюсь, как дурные французские стихи могли родить в тебе такие превосходные. Это отвечать на доношение бургмистра вольтеровским письмом. <...> Не постигаю!» [46. Л. 28]. Так дружеская среда и непубличная сфера становились пространством, где рождалась высокая поэзия, неожиданным для многих взлетом которой выступил «Певец во стане русских воинов».

Переписку Вяземского и Жуковского 1810–1817 гг., также как и историю их взаимных отношений нужно воспринимать в контексте более широкой системы дружеских контактов с К.Н. Батюшковым, А.И. Тургеневым, В.Л. Пушкиным, Д.В. Давыдовым, А.Ф. Воейковым, Д.Н. Блудовым, Д.В. Дашковым, С.С. Уваровым и др. Обмен посланиями и сообщения друг другу стихотворных опытов, замыслы журналов, альманахов и антологий, взаимное редактирование произведений, рефлексия над текущими литературными и историче-

скими событиями, совместное участие в журнальных полемиках, создание «дуумвиратов» и «триумвиратов» – характерная черта этой дружеской среды, которой требовалась лишь институализация, произошедшая в 1815 г. в виде «Арзамаса»⁶.

В этом поле затворник Жуковский, живущий то в Муратово, то в Дерпте, но принятый при дворе и заявивший о себе опытами высокой гражданской лирической рефлексии (послания «Государыне императрице Марии Федоровне» и «Императору Александру», «Молитва русского народа», «Песнь русскому царю от его воинов», «Певец в Кремле»), выступал как неформальный, но признанный глава. Для Вяземского его мнение и дружеская поддержка подтверждали право занять в литературном пантеоне молодого поколения свое достойное место. Сомнения в себе и в возможности овладеть теми или иными жанрами постоянно сопровождают его письма этого периода. Так, 28 марта 1814 г. Жуковскому пришлось убеждать друга:

Теперь слово о твоих стихах. Напрасно ты мучил и себя и меня глупою мыслью, что у тебя нет большого таланта <...>. Вздор и пустяки! <...> Ты не можешь еще себе решить, к чему особенно влечет тебя твой талант; все, до сих пор написанное, было мелочи – но все эти мелочи были написаны с тем дарованием, которое им прилично. <...> А *главная мысль, служащая основанием, и план* всегда стихотворны. Вот общее мнение о твоём таланте [5. Т. 15. С. 214].

14 ноября 1814 г. он вновь подтверждал: «Стихи твои все вообще прекрасны, полны дарования – тебе должно быть поэтом и записным поэтом, то есть записанным в кандидаты бессмертия» [5. Т. 15. С. 293]. А 19 сентября 1815 г. Жуковский призывал: «Ты требуешь моего благословения! Благословляю обеими руками! Если ты не поэт, то кому же сметь называться поэтом!» [5. Т. 15. С. 403] Подобные заверения наполняют и послания Жуковского, в частности, послание «К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям»:

Ты, Вяземский, хитрец, хотя ты и Поэт!
Проблему, что в тебе ни крошки дара нет,
Ты вздумал доказать посланьем,
В котором, на беду, стих каждый заклею
Высоким дарованьем!
Притворство в сторону! знай, друг, что осужден
Ты своенравными богами
На свете жить и умереть с стихами... [5. Т. 1. С. 359]

В переписке Вяземского и Жуковского этого периода типологические черты дружеской литературной коммуникации нашли, пожалуй, наиболее полное и широкое воплощение: тут и интенсивный обмен посланиями к разным адресатам (послания Жуковского «Тургеневу, в ответ на его письмо», «К Воейкову», «Вот прямо одолжили», «К кн. Вяземскому и В.Л. Пушкину», «К князю Вяземскому», «К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям», послания Вяземского «Милонову. По прочтении перевода его из Горация», «К моим друзьям Жуковскому, Батюшкову и Северину», «К Батюшкову», «К Кокошкину и Мерзлякову», «К Межакову», «К

партизану-поэту», «К друзьям», «Д.В. Давыдову»), и взаимное рецензирование и стилистическая правка десятков стихотворений разных жанров, в которых особенно был заинтересован Вяземский, интенсивно овладевавший новыми формами («Весеннее утро», «Вечер на Волге», «Утро на Волге», «Звезда на Волге», «Волнение», «К двоюродной сестре», «К Нисе», «К овечкам», «Надпись над бюстом императора Александра», «Песня» («На высоте надменных скал...»), «Пускай монахи...», «Русский пленник в стенах Парижа», «Собирайтесь, девки красны...», «Спасителя рождением...», «Увещание», «Услад», «Цветы» и др., а также многочисленные эпиграммы), и замыслы журналов (у Вяземского в 1810–1811, 1816–1817 гг., у Жуковского в 1813–1815 гг.), альманахов и антологий (у Вяземского в 1812 г., у Жуковского в 1816–1818 гг.), требовавшие совместного участия и по разным причинам не реализованные. Безусловно, не все произведения или проекты вызвали взаимное одобрение двух друзей. В особенности строго Жуковский относился к сатирическим и полемическим опытам младшего товарища, начиная с ранних эпиграмм и критических разборов («Нечто о 22 № «Вестника Европы» 1808 года», «Запросы господину Василию Жуковскому от современников и потомков», «Два слова постороннего») и до его «Спасителя рождением...», на который он отозвался резким нравоучением в письме от 28 марта 1814 г.:

Не унижай таланта своего злословием. Я слышал, что ты написал Noël, где множество злого остроумия. Поверь мне, что такого рода сочинения не сделают никогда чести и могут быть причиною несчастья. <...> Твой Noël есть пасквиль, и пасквиль, достойный не только презрения, но еще и наказания. Ты нападаешь на честь и репутацию людей, поставленных самим государем на высокую степень. Заслуживают ли они это или нет – о том ни слова! Но твое ли дело – в двадцать лет – быть обвинителем и, может быть, клеветником [5. Т. 15. С. 214–215].

Между тем именно критика, полемика, сатира, гражданская рефлексия как раз и привлекали Вяземского, который к моменту рождения «Арзамаса» уже определился в своих мировоззренческих и художественных пристрастиях. К сожалению, его письма к Жуковскому 1814–1816 гг. почти не сохранились, и мы не знаем, как воспринял князь нравоучение старшего друга по поводу его Noël, но, например, в эпиграмме на А.С. Шишкова, главу «Беседы», «Кто вождь у нас невеждам и педантам?» Жуковский советовал смягчить выражения в четырех стихах из восьми, но возражения были проигнорированы [53]. Отличались, видимо, и представления друзей о целях «Арзамаса»: для Жуковского это было прежде всего неформализованное дружеское сообщество, интересное внутренним общением и игровыми практиками, Вяземского интересовал выход к большой аудитории, возможность заявить как о коллективной, так и об индивидуальной позиции⁷. Это совпало с желанием князя самоопределиваться и в общественной, гражданской сфере: с 1815 г. он начинает искать места для будущей службы, будь то дипломатическое поприще или министерство просвещения⁸. Жуковский, горячо приветствовавший начинания Вяземского-поэта, осто-

рожно отнесся к его арзамасским эпиграммам и полемическим статьям («Поэтический венок Шутовского», «Письмо с Липецких вод»), советуя не продолжать публичные литературные баталии (письмо от 25 ноября 1815 г.), а впоследствии советовал не включать их в собрание сочинений, которое Вяземский, стремившийся подвести первые итоги своей литературной деятельности, хотел подготовить в 1816–1817 гг. («Некоторые пиесы надобно уничтожить. В том числе “Письмо с Липецких вод”»: на что существовать этой шутке; она могла быть интересна в свое время, теперь этот интерес исчез» [5. Т. 15. С. 546], 11 августа 1817 г.). Достаточно скептически отнесся Жуковский в письме от первой половины сентября 1816 г. и к замыслу журнала, о котором князь думал с 1810–1811 гг. и программу которого представил в недошедшем до нас письме-«диссертации», очевидно, представлявшем собой вариант статьи, сохранившейся в бумагах А.И. Тургенева [24. Кн. 1. С. 459–461]⁹. Для Жуковского предпочтительнее виделась форма альманаха-ежегодника или антологии, представлявших оригинальные произведения и переводы, но без политики и литературной критики. На периферии внимания старшего друга остались и две большие, принципиальные для Вяземского статьи «О Державине» и «О жизни и сочинениях Озерова», где князь встраивал свою историко-литературную рефлексию в поле современных полемик. Таким образом, 1815–1817 гг. стали периодом, когда литературное наставничество, очевидно, превратилось в равноценное сотрудничество, где разветвленные арзамасские коммуникации помогали и сохранять единство, и проявлять индивидуальную позицию.

В 1818–1821 гг. различие жизненных стратегий и художественно-мировоззренческих установок определило уже новый характер общения, в том числе эпистолярного. В апреле 1817 г. Жуковский получил предложение стать учителем русского языка великой княгини Александры Федоровны, к занятиям с которой приступил с октября во время московского визита двора. Для поэта, чуждого карьерных устремлений, придворная должность воспринималась как вхождение в семейный круг царствующей династии, как соединение личной дружбы и возможности приносить пользу престолу, что сопровождалось постоянно расширяющейся культуртрегерской деятельностью [55, 56]. В творческом плане эти годы стали периодом «эстетических манифестов», построенных на эстетизации окружающего мира, когда «незамысловатые истории <...> оживотворяются через их погружение в мир чувств и раздумий поэта» [57. С. 158] и приобретают универсально-философский смысл. Для Вяземского поиск места службы, который он начал в 1815 г., в августе 1817 г. завершился назначением в Варшаву в качестве переводчика при императорском комиссаре Н.Н. Новосильцеве. Этот шаг мыслился вступлением в большую жизнь и государственную деятельность, где можно было, в том числе через подразумеваемую близость к императору, воплотить свои либерально-конституционные идеи, а свою поэзию насытить высоким гражданским содержанием [40. С. 54–78; 58, 59].

Поле для диалога стала переписка, которая велась между Варшавой и Петербургом, приобретающая со стороны Вяземского манифестарный характер, чему много

способствовало посредничество А.И. Тургенева, распространявшего послания друга в арзамасском кругу. Эта повышенная публичность стесняла и даже раздражала Жуковского, 12 ноября 1818 г. он усовещал обоих товарищей: «И не забудь, что ты пишешь к Тургеневу! Он на этот счет слишком беспечен. Ему нужно умное письмо, которое бы носить за пазуху и читать встречному и поперечному» [5. Т. 16. С. 29]. Между тем именно в варшавские годы Вяземский, удаленный от друзей, в полной мере осознал значение и возможности эпистолярной позиции, что впоследствии позволило ему сказать: «Письма в жизни других – эпизод; у меня они – история моей жизни» [48. Т. 2. С. 92]. Вдобавок, именно неофициальная коммуникация позволяла в варшавский период реализовать сокровенную интенцию Вяземского быть от лица арзамасцев интерпретатором конституционно-реформистских начинаний императора перед публикой и, особенно, «дипломатическими Оссианами».

В этом ключе князь оценивал и творчество старшего друга, уже вошедшего в придворную среду и имевшего, как ему представлялось, широкие возможности, чтобы привлечь внимание и императорской фамилии, и общественного мнения. Так, в кругу польских друзей Вяземский читает отрывки из «Певца во стане русских воинов» и послания «Императору Александру», одобрительно вспоминает «Певца в Кремле» и приветствует послание «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича» («Рождение великого князя в Кремле может быть поэтическим рудником для тебя: перед тобою дым столетий и сияние грядущего. <...> Пробуди певца на Кремле и тени кремлевские» [51. Л. 33], 25 апреля – 5 мая 1818 г.), дает шутивно-либеральную интерпретацию перевода «Орлеанской девы» (29 июня – 5 июля 1818 г.), но с глубокой иронией воспринимает альбомные павловские стихотворения Жуковского и его переводные идиллии, отмеченные поэтизацией повседневности («Я в брань не пушусь, а советую тебе воздержаться. <...> Не забудь, ты уже на виду. С тебя толпе надобно брать пример. Нельзя же иногда и не принять осанки, а ты возишься, как будто бы и в самом деле никто на тебя не глядит» [46. Л. 38], там же). Желание воззвать к товарищу, стать его «будильником», возвысить до гражданской рефлексии пронизывают все варшавские письма Вяземского, что нашло программное воплощение в письме от 15/27 марта 1821 г., когда князь в связи с изменением политики императора, склонившейся к реализации мистических идей Священного союза, уже разочаровался в возможностях равного союза с царем:

Добрый мечтатель! Полно тебе нежиться на облаках: спустись на землю, и пусть, по крайней мере, ужасы, на ней свирепствующие, разбудят энергию души твоей. Посвяти пламень свой правде и брось служение идолов! Благородное негодование – вот современное вдохновение! При виде народов, которых тащут на убиение в жертву каких-то отвлеченных понятий о чистом самодержавии, какая лира не отпрянет сама: месть! месть! Ради бога, не убаюкивай независимости своей ни на розах потсдамских, ни на розах гатчинских. Если бы я предостерегал тебя от суетности, то, верно, замолчал бы скоро, ибо страх мой за тебя не мог бы

сочетаться с уважением моим к тебе; но страшусь за твою царедворную мечтательность. В наши дни союз с царями разорван: они сами потоптали его. Я не вызываю бунтовать против них, но не знаться с ними. Провидение зажгло в тебе огонь дарования в честь народу, а не на потеху двора. Как ни будь поверхностно и малозначительно обхождение супруга с девушками, но брачный союз все от того терпит, и рано или поздно распутство дома отзовется. Брачный союз наш с народом: домашнее бытие наше в отечестве. Царская ласка – курва соблазнительная, которая вводит в грех и от обязанности законной отвлекает [60. Л. 3].

Подобные призывы, чуждые и жизненной позиции, и эстетике Жуковского, разумеется, не разрушали дружбы, о чем свидетельствует его приписка к письму А.И. Тургенева от 18 декабря 1818 г. [7. Т. 1. С. 176], но, видимо, создавали дискомфорт, отразившийся в снижении интенсивности переписки (за 1820 г. не сохранилось ни одного письма, а за 1821 г. только два). Одной из главных причин стало разное понимание целей поэзии. Так, 7 августа 1819 г. Вяземский писал А.И. Тургеневу: «Как можно быть поэтом по заказу? Стихотворцем, так, я понимаю, но чувствовать живо, дать языку души такую верность, когда говоришь за другую душу, и еще порфирородную, я постигнуть этого не могу! Знаешь ли, что в Жуковском вернейшая примета его чародейства? – Способность, с которою он себя, то есть, поэзию, переносит во все недоступные места. Для него дворец преобразовывается в какую-то святыню, все скверное очищается пред ним» [7. Т. 1. С. 284–285]. В письме от 13 сентября 1819 г. к самому Жуковскому он говорил о том же: «В отношении *святыни* твоей опять другое дело. Я тебя не порочу, а не постигаю. Тут опять не слово – *дело*, а *дело* – *слово*. Когда влезу в душу твою и расположусь в ней как дома, то я срачиваюсь с тобою и смотрю на тебя при свете, тебе сродном, но из своего ума смотрю на тебя при свете, падающем в мои окна, и не понимаю, как можешь ты быть жрецом божества, когда в душе палач нелицемерный» [46. Л. 125].

Насмешливый, но чуткий друг точно понял установки не только творчества Жуковского, связанного с придворными темами или героями, но и сущность его положения в кругу царственных особ. 2 сентября 1819 г. Жуковский отвечал Вяземскому, раскрывая свое кредо: «Что же тут непостижимого? Стоит только не испугаться самодержавного словечка порфирородная, стоит только вообразить, что душа порфирородная <...> есть прекрасная, чистая, полная простого, неиспорченного чувства душа, следственно, душа поэтическая и пробуждающая поэзию! Тогда поймешь, что легко быть поэтом по заказу! По крайней мере, мне не было трудно быть здесь поэтом. Главное: искренно предаваться влекущему чувству! Нет дела до того, что толпа не верит этой искренности» [5. Т. 16. С. 48]. Обращаться к душе человека и видеть в собеседнике прежде всего частную личность, а уже потом государственного деятеля или царственную особу – вот творческая и поведенческая стратегия Жуковского в придворной среде с 1810-х гг., подтверждавшая его принцип: «Жить всегда, как пишешь иногда» [5. Т. 16. С. 48].

Наиболее отчетливо различие мировоззренческих и творческих позиций высказалось в обмене письмами, посвященными посланию Вяземского «Сибириякову». Знаменательно, что обсуждение собственно проблем крепостничества, также как и других политических вопросов князь оставлял для переписки с другими адресатами – А.И. Тургеневым, Н.И. Тургеневым, М.Ф. Орловым. Это подметил и Жуковский применительно к стихотворению «Петербург»: «Ты ко мне посылаешь стихи, а содержание их Николаю Тургеневу» [5. Т. 16. С. 34] (12 ноября 1818 г.). Также было и в случае послания к поэту-кондитеру, о котором в конце августа 1819 г. Вяземский писал А.И. Тургеневу: «Непременно по второй эстафете возврати мне мой список с замечаниями своими, братниными. Ты все с больной головы на здоровую складываешь. Мне ничуть не Жуковского в особенности замечания нужны: твои могут быть мне очень полезны» [7. Т. 1. С. 298]. Тем не менее А.И. Тургенев ограничился в ответном письме только стилистическими замечаниями, а Жуковский, кроме того, высказал принципиальное мнение в письме от 2 сентября 1819 г.:

<...> эта пьеса должна действовать на общее мнение; я желал бы, чтобы она говорила более чувству; чтобы она более пробуждала душу величием предмета, нежели ожесточала ее оскорблением. <...> Эта пьеса должна произвести общее действие: до того нет дела, что Вяземский умеет прекрасно говорить о свободе; главное в том, чтобы дать об ней истинное, высокое понятие тем, которым наиболее нужно ее полюбить, не рабам-служащим, а рабам-повелевающим; и способ самый действенный не оскорбление, а сильный язык чувства. Он будет понятен и благодетелен. Он украсит высокую должность и сблизит враждующие партии. <...> Светильник поэзии не должен быть зажигателем: он должен согреть, светить и оживлять [5. Т. 16. С. 48–49].

Ответом стало столь же принципиальное возражение Вяземского в письме от 13 сентября 1819 г.: «Ты кадишь им ладаном не лести, но поэзии, я хотел бы задеть их кадильницей истины: побуждение наше одно, но способы и суждения наши разны. Ты хочешь их очистить – я измарать, надеюсь, что, авось, очнутя и сами с омерзением увидят грязь свою. Ты хвалишь добродетель – я ругаю пороки» [46. Л. 125–125 об.]¹⁰.

Не увенчавшись успехом гражданских замыслов, более того, завершившись попаданием в разряд опальных лиц, варшавский период в жизни и творчестве Вяземского принес полное осознание сущности своего поэтического дара, вступавшего в деятельный диалог с творчеством старшего товарища:

Ты написал о смерти Вирт<ембюргской> королевы жуковщину, а я пойду говорить тебе, зачем не написал ты громкой оды, которая так же была бы хороша. Ради бога! Отвяжитесь от этой привычки указывать дарованию дорогу. <...> Ты хотел, чтобы я фенелонствовал, но моя природа звала меня ювенальствовать. <...> Ты очищай воздух как солнце, в благодеяниях постоянное, я – как гроза, порывами и потрясениями [46. Л. 125 об.].

Сотрудничество, помощь и совместное участие в литературных проектах определили модус по пре-

имуществу заочного общения Вяземского и Жуковского в 1822–1827 гг., ознаменованные рядом сближающих кризисов – заботой о больном К.Н. Батюшкове, декабристским восстанием и его последствиями для братьев Тургеневых, смертью Н.М. Карамзина, переменами в положении А.С. Пушкина. Для князя, находившегося под опалой и разочарованного в возможностях государственной службы, но ощущавшего себя рупором либерального общественного мнения, в этот период целью стало нахождение публичной площадки, где можно было бы выразить свою позицию, общественную и литературную. Это определило и сдвиг творческих интересов в сторону критики, полемики, публицистики¹¹. Жуковский, вернувшийся из первого заграничного путешествия и сблизившийся со двором и с императорской фамилией, все более глубоко ощущал, что его поприще – педагогика, и хотел подвести итоги своей поэтической деятельности. В этом плане определенным рубежом стал 1824 г., когда Вяземский завязал контакты с Н.А. Полевым и затем выступил активным сотрудником «Московского телеграфа», а Жуковский выпустил третье собрание сочинений и получил приглашение стать наставником великого князя Александра Николаевича.

Так определилась новая конфигурация взаимных отношений: для князя поэт-придворный с многочисленными друзьями-арзамасцами, растущими по карьерной лестнице, воспринимался как предстатель перед петербургским литературным светом и заступник перед цензурой, для Жуковского молодой литератор-журналист был и московским поверенным в делах, и доставщиком новостей, и своеобразным голосом ушедшего в прошлое «Арзамаса». Между тем Вяземский не оставлял мысли переложить на старшего товарища свои не реализовавшиеся надежды на пробуждение общественного мнения, как в письме от 9 января 1823 г.: «Вы все или слишком придворны, или слишком беспечны. <...> Что за выгода для республики словесности, что вы, избранные ею, в милости у двора, когда вы ничего для родины вашей не делаете, а, напротив, отрицательным согласием скрепляете узы рабства ваших соплеменников? Вы мало думаете об истории, а грифель ее и на вас поднят» [30. № 2. С. 187]¹².

Основными сюжетами в переписке 1822–1824 гг. стали новые творческие проекты как собственные, так и коллективные, цензурные неурядицы и участие в судьбе К.Н. Батюшкова. У Жуковского, ощутившего тягу к большим поэтическим формам, новыми жанрами стали поэма «Шильонский узник» и драма «Орлеанская дева», вкупе с опытом перевода из «Энеиды». Эти переводные тексты воспринимались Вяземским с большой заинтересованностью, но не удовлетворяли вполне, особенно на фоне камерных стихотворений, которые Жуковский отдавал в журналы и альманахи «Полярная звезда»: «Можно ли было напечатать в «Звезде» столько пустяков, как ты напечатал? Как миллионщику носить в кармане медные деньги? <...> Как ни говори, тебе необходимо пустить свою жизнь в выжигу <...> Так остаться тебе невозможно: или оживи, или умри, а расслабленным скитаться тебе не годится» [60. Л. 14 об.–15] (9 февраля 1823 г.). На подобные упреки Жуковский мог ответить только

удивлением, как в письме от конца февраля 1823 г.: «Ты сделался удивительно бранчив в Москве: создал для себя из нас (а особенно из меня) каких-то жалких идолопоклонников и казнишь нас как правоверный. Желал бы я знать, объяснил ли ты для самого себя, чего требуешь, например, от меня?» [5. Т. 16. С. 182]. Тем не менее Вяземский с большим энтузиазмом помогал в распространении в Москве всех новых изданий Жуковского, в частности его третьего собрания сочинений, известия о продаже которого заполняют письма 1824 г., а также благотворительного альбома «Шесть видов Павловска».

Самым крупным проектом Вяземского в эти годы стала биография И.И. Дмитриева, которая должна была стать предисловием к новому собранию его сочинений, но превратилась из жизнеописания в развернутый историко-литературный обзор [21. С. 84–94], что, в свою очередь, вызвало полемику с издателями (Вольное общество любителей российской словесности в лице Н.И. Гнедича), посредником в которой выступил Жуковский в 1822 г., также не одобрявший обилие отступлений и усложненный стиль (письма от 26 декабря 1822 г. и конца февраля 1823 г. [5. Т. 16. С. 169–170, 182–184]). Чаше же всего Вяземский выступал как издатель и как корреспондент журналов и альманахов («Меня и так теребят во все стороны. Ривароль называл кого-то *Провидением альманахов*. Право, я скоро попаду в Провидение» [46. Л. 11], 12 марта 1824 г.), пытаясь привлечь к сотрудничеству и старшего товарища, в частности, в случае с В.К. Кюхельбекером и его альманахом «Мнемозина». Последнее не вызвало у Жуковского энтузиазма, в отличие от издания «Бахчисарайского фонтана» с программным «Разговором между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова» («За твое предисловие к «Б<ахчисарайскому> фонтану» обнимаю тебя; оно мне очень, очень понравилось» [5. Т. 16. С. 230], вторая половина февраля 1824 г.).

Не оставляли друзей и замыслы совместного периодического издания. Вяземский мечтал о большом журнале просветительского характера: «Вот еще прекрасное дело: периодическое издание критическое об иностранных книгах, выходящих в свете; критики брать из журналов Эдмбургского, «*Revue Encyclopédique*», немецких. Тут также труда немного, а польза большая. Разливать будем по России свет европейский; нам из-за своего домашнего жить нельзя» [30. № 2. С. 188] (9 января 1823 г.). Энтузиазм друга пробуждал и ответные замыслы Жуковского: «У нас ворочалась мысль выдавать нечто похожее на «*Annual register*»; но этот план слишком обширный и неисполним с нашею благодатною цензурою. Надобно, чтобы была *всякая всячина* и чтобы при этой всякой всячине была постоянная статья, *palpitante de l'intérêt du moment*¹³. Для этой статьи *ты!*» [5. Т. 16. С. 230] (вторая половина февраля 1824 г.). Однако эти начинания остались невоплощенными.

Заметное место во взаимной переписке 1822–1824 гг. заняли цензурные осложнения. У Жуковского это был запрет к публикации и постановке «Орлеанской девы», о чем он, не посвящая в детали, сообщил князю, и

история с «Замком Смальгольм», вызвавшим возражения духовной цензуры [61]. Обращения к министру просвещения князю А.Н. Голицыну к успеху не привели, однако благодаря Вяземскому московская цензура в лице И.М. Снегирева балладу пропустила, о чем князь писал 30 июля 1823 г. [30. № 2. С. 184]. Жуковский, впрочем, от такой полуподпольной публикации отказался. Наибольшим придиркам из произведений Вяземского подверглись стихотворения, предназначенные для «Полярной звезды», в какой-то момент вообще отвергнутые (см. письмо Жуковского от рубежа октября–ноября 1823 г. [5. Т. 16. С. 215]). Здесь потребовалось вмешательство А.И. Тургенева и князя А.Н. Голицына, но стихотворения, в частности «Петербург», подверглись изъятиям, что вызвало негодование Вяземского:

Вообще, мне досадно на Бестужева и на тебя, что вы дали вывести меня таким скопцом. Гораздо лучше и затейливее было, если сказать бы в коротких словах: «по некоторым обстоятельствам стихи к<нязя> Вяземского не могут быть напечатаны в нынешней книжке». И мне, и публике, и издателям было бы лучше. Я тут и завел бы войну Пуническую с цензурою, Министерством, Сенатом и так далее и так выше до Самого Нельзя! Может быть, неким и сделалось бы совестно, и я добился бы до перемены [51. Л. 39] (5 января 1824 г.).

Но, пожалуй, наиболее сблизил друзей неожиданная болезнь К.Н. Батюшкова, третьего участника «триумвиата», о которой Вяземский спрашивал 16 февраля 1822 г.: «Говори мне о Батюшкове. Здесь его поминутно с ума сводят» [60. Л. 5 об.]. В.А. Кошелев подробно осветил, как в переписке арзамасцев и родственников Батюшкова отразились перипетии течения болезни: неожиданный приезд в Петербург в марте 1822 г., летняя поездка на Кавказ и в Крым, пребывание в Симферополе осенью–зимой 1822–1823 гг., попытки самоубийства, доставление в Петербург в мае 1823 г., надзор друзей и родственников на даче и в петербургской квартире, наконец, организованное Жуковским отправление в Зонненштейн в психиатрическую клинику [62. С. 290–301]. В письмах Жуковского, близко и постоянно наблюдавшего течение болезни, мы найдем немало выразительных картин развивающейся мании преследования и безнадежных попыток ее исцеления (письма от конца апреля и 26 декабря 1822 г., от конца февраля и в особенности 5–6 августа, от рубежа октября–ноября и конца декабря 1823 г., от конца января и 5 мая 1824 г.). Вяземский, находясь в Москве, до поры еще питал иллюзии о возможности излечения друга и даже выдвигал собственные прожекты, как в письме от 5 января 1824 г.:

Признаюсь, не одобряю перемещения его ни в Зонненштейн, ни в другое подобное место. Он не довольно решительно помешан, чтобы не понимать своего положения, и уверение, что его почитают безумцем, должно усилить его безумие. У него точно какой-то сердечный, нервический недуг, требующий особенного попечения. Поездка в чужие края, развлечение могут быть ему полезны, но более всего, кажется, поможет ему дружеское лечение. Надобно бы друзьям его, так сказать, обнять

всю жизнь его и перерезать все, что связывает ее с прошедшим и с внешним, одним словом, дойти бы до того, чтобы он мог забыть и тогда мало-помалу настраивать его ум и душу; надобно бы вернуть его в умственный и душевный сомнамбулизм постоянный. А этого, кроме друзей и близких, никакие врачи сделать не могут [51. Л. 39–39 об.].

Череду утрат продолжили 1825 и 1826 гг., когда после декабристского восстания многие прежние товарищи были казнены, оказались на каторге или в изгнании, как братья Тургеневы, а затем тяжело заболел и умер Н.М. Карамзин. «Декабрист без декабря», по выражению С.Н. Дурылина, Вяземский, не входя в тайные общества и даже не разделяя радикализм их взглядов, имел разветвленные контакты с многими декабристами [40. С. 136–152; 63; 64], тем болезненнее он воспринял события на Сенатской площади. Для Жуковского 14 декабря 1825 г. стало неожиданным и немотивированным анархическим бунтом, и, зная умонастроение Вяземского, он отказался обсуждать с ним истоки и смысл происшедшего: «Но разве последние происшествия не переменили направления твоих мыслей. Об этом лучше говорить, нежели писать. Признаюсь, то, с чем я прежде был *просто несогласен*, то теперь *раздражает*. Итак, basta¹⁴» [5. Т. 16. С. 295] (21 февраля 1826 г.)¹⁵. Князь в письме от первой половины февраля 1826 г. высказал свою позицию вполне отчетливо: «Доказательство тому, что я не одобрял ни начала, ни средств, кои покушались привести в действие, есть то, что пишу тебе из Москвы; но постигаю причины и, не оправдывая лиц, оправдываю действие, потому что вижу в нем неминуемое следствие бедственной истины» [7. Т. 5. Вып. 2. С. 160]. Нелегитимным он счел и суд над участниками восстания: «Посадите Карамзина, Дмитриева, славных и непреложных приверженцев царского величия, но людей прямодушных и пряморассудных, или других подобных им, и тогда *обвинения* получат внутренний вес, которого они теперь не имеют» [7. Т. 5. Вып. 2. С. 159]. Разное понимание происшедшего не отменило, однако, для двух друзей тревогу за товарищей, подвергшихся преследованию, и забота о судьбе Н.И. и А.И. Тургеневых стала общей до конца 1820-х гг., о чем Жуковский напоминал даже в разгар дела «о развратном поведении» Вяземского: «Ты все еще не образумился. А у тебя на совести должен быть Тургенев: не могу понять тебя» [47. Л. 13] (27 октября 1828 г.).

Следствие над декабристами совпало со смертельной болезнью Н.М. Карамзина. О ее течении Жуковский сообщал Вяземскому в письмах от февраля-марта 1826 г. [5. Т. 16. С. 293–295, 298], надеясь, что она завершится так же, как в 1823 г. (см. июньские письма [5. Т. 16. С. 204–207]), выздоровлением. С этой надеждой Жуковский отправился за границу для собственного лечения, разминувшись с Вяземским, который, собираясь сопровождать Карамзиных в путешествие на юг Франции¹⁶, приехал в Петербург 23 мая, на следующий день после смерти наставника. «Как весь наш мир расстроился. Точно приходится жить на одной памяти: настояще нестерпимо дурно, а в будущем никаких нет надежд, а, напротив, одни

утраты. Карамзин, Батюшков, Тургеневы, Жуковский, Вяземский – все это деревья, более или менее опаленные молниею» [51. Л. 45], – так писал Вяземский другу 3 мая 1826 г. Уход друга, мужа и отца стал главным предметом большого коллективного письма Карамзиных и Вяземского из Ревеля от 5/17 августа 1826 г., в концовке которого князь говорил:

Смерть Наполеона в современной истории, смерть Байрона в мире поэзии, смерть Карамзина в русском быту оставили после себя бездну пустоты, которую нам завалить уже не придется. <...> Смерть друга, каков был Карамзин, каждому из нас есть уже само по себе бедствие, которое отзовется на всю жизнь, но в его смерти, как смерти человека, гражданина, писателя, русского, есть несметное число кругов, все более и более расширяющихся и поглотивших столько прекрасных ожиданий, столько светлых мыслей! [65. Л. 2 об.]

Время заграничного путешествия 1826–1827 гг. для Жуковского и братьев С.И. и А.И. Тургеневых стало периодом уединения, когда, живя в Дрездене, первый, заботясь о друзьях, посвятил себя подготовке учебных материалов для будущих занятий с великим князем Александром Николаевичем и общению с местным ученым и художественным обществом [66]. За этот период сохранилось лишь одно совместное письмо Жуковского и А.И. Тургенева к Вяземскому от 26–27 декабря 1826 г. / 7–8 января 1827 г., в котором приветствовались журнальные начинания друга, а также сообщалось о своих учебных занятиях и о пересылке европейских журналов и книг. Активным действующим лицом выступил в этот период князь, находившийся в разгаре журнальной деятельности в «Московском телеграфе» [21. С. 128–169].

Вернувшись из Ревеля поздно, дабы не присутствовать на московских коронационных торжествах, он 29 сентября / 10 ноября 1826 г. подробно рассказывал друзьям о новостях общественной и литературной жизни: о новом цензурном уставе («решишь написать на него замечания и поднеси их царю. Это обязанность твоя! По смерти Карамзина ты призван быть представителем и предстателем русской грамоты у трона безграмотного»), о новых назначениях («ничего в атмосфере политической не возмещает благотельного перерождения, хотя и говорят о многих переменах в лицах и управлениях»), о перемене в положении А.С. Пушкина и его новых планах и произведениях («Пушкин здесь и на свободе»), об отправке в Сибирь осужденных декабристов и их жен [8. С. 40–44]. Под пером Вяземского подобные развернутые письма превращались в неофициальные газетные обзоры, где было все – литература, политика, частная жизнь. Здесь чувствовался темперамент истинного журналиста, и этого же князь ожидал от своих друзей:

Стихов от тебя не прошу, потому что, вероятно, их у тебя нет, а, между прочим, прошу никому не отдавать, кроме меня, если чем разродишься; но давай мне прозы, в виде писем о новых выходящих книгах в Германии, в виде отчетов чтений твоих и проч<его>. Тебе это легко: тут авторствовать не нужно, пожалуй, и твоего имени выставлять не буду, а просто назову их сообщениями

дрезденского корреспондента. Две, три странички в месяц тебя не отяготят, а меня обогатят. Можно говорить о театре, о городе, о погоде, о девках etc. В этом надеюсь и на Тургенева, то есть не о девках речь идет, а о сообщении мне европейских новостей [8. С. 46] (20 ноября / 2 декабря 1826 г.).

От Жуковского, впрочем, несмотря на заверения в сотрудничестве, Вяземский материалов не дождался, хотя замыслы были: «Апрель проведу в Берлине. Там, может быть, удастся что-нибудь написать. Буду посещать немецкий театр и скажу, может быть, что-нибудь о состоянии драматической поэзии в Германии. Май проведу в Париже. Может быть, удастся что-нибудь написать о тамошнем театре в сравнении с немецким, о тамошних дневных новостях. Также хочу заняться криминальным публичным судом. Если в состоянии буду, напишу что-нибудь и об этом предмете. Но, во всяком случае, не обещаю ничего» [5. Т. 16. С. 429–430] (26–27 декабря 1826 г. / 7–8 января 1827 г.). И даже публикация в «Московском телеграфе» цикла его стихотворений вызвала решительное осуждение: «Ты же, друг-товарищ, говорят (ибо я не видел), напечатал мою «Лалла Рук», которая была не для печати. На что это похоже?» [5. Т. 16. С. 518] (конец октября 1827 г.).

Основной «добычей» стала присылка европейских журналов и книг, материалы которых были очень нужны, дабы сделать журнал вестником современного просвещения. Здесь фигурировали «*Revue britannique*», «*Revue encyclopédique*», «*Edinburg Review*», «*Quarterly Review*», «*Annales des Voyages*», «*Litteratur Zeitungen*», «*Catholique*», «*Globe*», «*Bibliothèque universelle*», «*Hermès*», произведения В. Скотта, Ф. Гизо, Ф.О. Минье, Ф.Р. Шатобриана, К. Делавиня, Г.Ж. Увара, М.К. Огинского, Ж.А.П.Ф. Ансело и многих других (см. комментарии к письмам [4. Т. 2]). Особым предметом внимания выступили контакты с русскими и зарубежными корреспондентами: Вяземский просил привлечь к сотрудничеству И.А. Бека, Я.Н. Толстого и Э.И. Геро, переслать М.А. Жульену, редактору «*Revue Encyclopédique*», «Письмо из Парижа», опубликованное в «Московском телеграфе» [67]. Не все поручения друзья смогли выполнить, но Жуковский, в частности, подписал Вяземского на ряд журналов и привез из путешествия большое количество книг, о чем сообщал в конце октября 1827 г.: «Я привез тебе книг и брошюр. Боюсь, что будешь недоволен. Брошюры устарели с тех пор, как куплены» [5. Т. 16. С. 518].

Участие в «Московском телеграфе» сопутствовали и многочисленные цензурные затруднения, ставшие предметом активного обсуждения после возвращения Жуковского в Россию. Так, статья «Поживки французских журналов в 1827 году», где разбирались книги В. Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарте, императора французов», вызвала возражения цензора С.Т. Аксакова, и только благодаря протекции Д.Н. Блудова была напечатана в 1828 г.¹⁷ Цензурные препоны стали для князя своеобразным сигналом о невозможности активной журнальной деятельности, о чем он писал Жуковскому 18 ноября 1827 г.: «Если Блудов не вступится, то

лучше бросить журнал, то есть отказаться мне от средства иметь честным образом ежегодно несколько тысяч рублей» [51. Л. 48]. Возникшее охлаждение к журналу Полевого вынудило Вяземского искать новые возможности. В конце 1827 г. у него возник план собственного ежеквартального издания под названием «Современник», о котором 12 ноября он писал А.И. Тургеневу. Как замечает М.И. Гиллельсон, «Название пушкинского “Современника” связано с этим неосуществленным замыслом Вяземского» [21. С. 171]. Через несохранившееся письмо князя к Карамзиным с этим замыслом познакомился и Жуковский, одобливший его в письме от 2 ноября 1827 г. [5. Т. 16. С. 520–521].

Взлет московской журналистики в лице «Московского телеграфа» и «Московского вестника», где сотрудничал Пушкин, вызвал пристальное внимание журналистов-конкурентов [68. С. 386–391; 69; 70. С. 255–259], а через них и правительства, о чем Д.Н. Блудов предупреждал товарища в полуофициальном письме от 30 августа 1827 г. [71]¹⁸. В надежде переломить наметившуюся тенденцию Вяземский с весны 1828 г., приехав в Петербург, начал попытки вернуться на государственную службу, но первый опыт обращения к А.Х. Бенкендорфу, чтобы получить разрешение на определение при главной квартире армии, завершился неудачно. Вяземскому было вежливо отказано по причине отсутствия вакантных мест, свою роль в отказе сыграл отзыв великого князя Константина Павловича, таившего недовольство на Вяземского еще с пребывания того в Варшаве и подчеркнувшего в письме к А.Х. Бенкендорфу его неблагонадежность: «<...> писатель Пушкин и князь Вяземский просят о дозволении следовать за главной императорской квартирой. Поверьте мне, любезный генерал, что, в виду прежнего поведения, как бы они ни старались выказать теперь свою преданность службе его величества, они не принадлежат к числу тех, на кого можно бы было в чем-либо положиться» [72. С. 319].

Вскоре в апреле-мае 1828 г. М.Я. фон Фоком была составлена секретная записка, где сообщалось о намерении московских литераторов (Пушкин, Титов, Шевырев, Одоевский, братья Киреевские, Погодин и Вяземский) создать орган для пропаганды либеральных мыслей в виде газеты «Утренний листок». Записка апеллировала к материалам перлюстрированных писем и тенденциозно представляла публикации журнала «Московский вестник» [73. С. 45–49]. Ее основой явился донос Ф.В. Булгарина еще 1826 г., где говорилось: «Два человека в Москве, князь Петр Андреевич Вяземский и Александр Пушкин, покровительством своим <М.П. Погодину. – В.К.> могут причинить вред. Первый, которого не любили заговорщики за бесхарактерность, без всякого сомнения более во сто крат влиял противу правительства, образа правления и покойного государя, нежели самые отчаянные заговорщики. Он *frondeur par esprit et caractère*¹⁹ – из ложного либерализма отказался даже от камер-юнкерства и всякой службы, проводит время в пьянстве и забавах в кругу юношества и утешается сатирами и эпиграммами» [74. С. 131].

Записка была послана М.Я. фон Фоком к А.Х. Бенкендорфу в императорскую квартиру 30 мая 1828 г. С ней ознакомился также Д.В. Дашков, критически оценивший аргументы доноса и особо высказавшийся о Вяземском: «Кн. Вяземский известен правительству с самой дурной стороны и справедливо терпит за неводержимость языка и пера своего. Переписка его была вредна и ему, и другим. Но сердце Вяземского совсем не злое и не способно к измене: тому может служить доказательством и невинность его по делу о злоумышленных тайных обществах» [73. С. 49].

В начале июня Ф.В. Булгарин составил новый донос, где главным учредителем политической газеты назывался уже только Вяземский: «Князь *Вяземский* (Петр Андреевич), пребывая в Петербурге, был атаманом буйного и ослепленного юношества, которое толпилось за ним повсюду. Вино, публичные девки и сарказмы против правительства и всего священного составляют удовольствие сей достойной кампании. <...> Вяземский направляется в Москву, чтобы тайно организовать издание новой «*Утренней газеты*». <...> Либеральная или, лучше сказать, злонамеренная партия с нетерпением ожидает успеха» [75. Л. 1–1 об.]. В итоге Николай I принял точку зрения Бенкендорфа и Фока, поручив графу П.А. Толстому, ведавшему государственными делами во время отсутствия императора, дать официальное запрещение на издание «Утренней газеты» и вынести порицание Вяземскому, что граф и сделал, написав московскому генерал-губернатору Д.В. Голицыну 3 июля 1828 г.: «<...> императорскому величеству известно бывшее его поведение в Санкт-Петербурге и развратная жизнь его, недостойная образованного человека. По сему уважению государю императору благоугодно, дабы ваше сиятельство изволили внушить князю Вяземскому, что правительство оставляет собственно поведение его дотоле, доколе предосудительность оно не послужит к соблазну других молодых людей и не вовлечет их в пороки. В сем же последнем случае приняты будут необходимые меры строгости к укрощению его безнравственной жизни»²⁰. Это письмо в сопровождении собственного Д.В. Голицын отправил Вяземскому 26 сентября 1828 г. после возвращения последнего из саратовских поместий.

Эмоциональную реакцию князя на совершенно неожиданное обвинение передает его письмо к Жуковскому от 30 сентября 1828 г., переданное не через почту, а с А.А. Дельвигом:

Не будет мне удовлетворения, и мне никак нельзя оставаться в России, где я живу hors la loi²¹, где хожу под невидимыми ножами, о коих узнаю только по крови, брызнувшей из себя. У меня дочь 14-летняя, у меня сын 8-летний; прежде говорили только, что я либерал; худо или посредственно, но я мог еще жить; не мог обещать детям своим блестящей участи в будущем, но, по крайней мере, не готовил им в наследство поношение быть детьми отца, официально именным повелением приреченного развратным и развратителем, отца, которого угрожали судьбою какого-нибудь де Сада. Теперь я на этой точке [51. Л. 51].

Чтобы обелить свое имя, Вяземский вскоре передал Д.В. Голицыну два больших оправдательных письма [43. С. 312–316], последнее из которых тот переправил П.А. Толстому и А.Х. Бенкендорфу. Нам уже приходилось описывать дальнейшее развитие этого дела [76], поэтому отметим лишь усилия Жуковского и Вяземского по оправданию.

Каковы бы ни были конкретные поводы высочайшей немилости, публичные европейские методы их опровержения в деле, преподнесенном как исключительно приватное и разворачивавшееся между императором и его подданным, подействовать не могли. Здесь работала не формальная логика судебного процесса с его разбором доказательств и улик, а ритуал покаяния и испрошения прощения. Это вполне почувствовал Жуковский, столкнувшийся с такой практикой в ходе ходатайств за Н.И. Тургенева. В письме от 27 октября 1828 г. он присоединялся к советам А.Х. Бенкендорфа:

Теперь пишу к тебе по препоручению Бенкендорфа. Он говорил на счет тебя со мною с довольными подробностями, и я был доволен и тоном его и благонамеренностью. Он искренно и с доброжелательством готов поправить твоё дело. Ты сам и никто другой причиною того, что с тобою случилось. То есть не *ты сам на себя донес, что хочешь выдавать Утреннюю газету*, а ты написал какое-то и к кому-то письмо, которое представлено и которое, если оно похоже на многие старинные письма твои, должно было возбудить против тебя мнение. Не знаю ничего об этом письме, но скажу искренно, что для меня такой образ действия непонятен и в тебе отвратителен. <...> Тебе надобно написать к Бенкендорфу насчет того, что случилось с тобою по последнему ложному обвинению <...>. Он желает, чтобы ты написал, что просишь у госуд<аря> забвения прошедшего, что желаешь быть определен в службу, куда *государь заблагорассудит*, что желаешь этого, дабы опытом доказать, что предубеждение, произведенное насчет тебя (в некоторых отношениях твоею же виною), было несправедливо [47. Л. 13–14].

Опубликованная и неопубликованная переписка Вяземского с Жуковским, основным ходатаем в его защиту перед А.Х. Бенкендорфом, М.Я. фон Фоком, П.А. Толстым и самим императором, полная эмоциональных срывов, взаимных обвинений то в бездействии (письмо Вяземского от 25 октября, несохранившееся письмо от конца октября – начала ноября 1828 г., цикл его ноябрьских и декабрьских писем), то в неблагоприятной язвительности (письма Жуковского от конца октября, 10 и 20 ноября 1828 г., 1 января 1829 г.), демонстрирует, насколько болезненным было для князя принятие необходимости подобного покаяния. Его ключевым документом явилась известная «Записка о князе Вяземском, им самим составленная» в декабре 1828 – январе 1829 г. Как справедливо заметил М.И. Гиллельсон, в ней князь «выставлял себя представителем независимого общественного мнения» [21. С. 178] и играл роль без повода оклеветанного лица, однако в итоге принимал необходимость полного подчинения высочайшей воле, надеясь на «рыцарский» суд и милость императора. Как

выяснилось в дальнейшем, Николай I такую покорность принял. В дневниковой записи от 1 апреля 1830 г. Жуковский привел мнение императора о Вяземском: «Слушай! Ты имел связь с Вяземским, который делал множество непозволительных поступков, врал сам, подбивал врать и действовать других, был настоящий *bont-feu*²². До вчерашнего дня был он таков. Теперь я сам позволю тебе его обнять. Можно. Я все, все это скажу ему сам, когда увижу его; теперь он все загладил своим раскаянием! Он поступил так, как очень редко поступают; смирился» [5. Т. 13. С. 312].

Как известно, долгое время эти покаянные исповеди оставались без ответа. Документы передали на рассмотрение великому князю Константину Павловичу, который сохранил неприязнь к Вяземскому со времен его варшавской службы из-за перлюстрированных писем последнего с ироническими

оценками цесаревича. В письме к Жуковскому от 19 декабря 1829 г. Вяземский просил: «Я узнал, что *бумага* моя была в Варшаве, похоже и вероятно, переданная на суд цесаревичу. С какой целью и какой был результат, не знаю. Он теперь в Петерб^бурге». Не можешь ли через кого-нибудь узнать мнение его обо мне и о бумаге. Меня уверяют, что без него, то есть *мимо его* ничего для меня не сделают» [51. С. 61]. Вступив на этот путь, 1 марта 1830 г. Вяземский вынужден был приехать в Петербург и писать новые «покаянные» письма к цесаревичу 19 марта 1830 г. [76. С. 321] и императору 24 марта 1830 г. [77. Л. 18–19]. Эти обращения наконец возымели успех, о чем можно судить по приведенной выше реплике Николая I. Император дал прощение и приказал 14 апреля назначить Вяземского чиновником по особым поручениям при министре финансов Е.Ф. Канкрине.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например, оценку Вяземским «Писем русского путешественника» в поздние годы жизни [1].

² Здесь и далее курсив в цитатах из писем Вяземского и Жуковского соответствует подчеркиванию в автографах.

³ Еще одно стихотворное письмо см.: [31].

⁴ И что это скандально видеть в журнале, издаваемом человеком с талантами, жалкие переводы несчастного Бунакова! (*франц.*).

⁵ См. иронический ответ Вяземского в письме к К.Н. Батюшкову от 11 декабря 1810 г. [52. С. 124].

⁶ К сожалению, этот материал, в особенности эпистолярный, собран и опубликован еще далеко не полностью, см. наиболее масштабный опыт: [24].

⁷ См. подробнее об арзамасских проектах Вяземского [21. С. 24–33; 54].

⁸ См. письмо к А.И. Тургеневу от 22 марта 1815 г. [7. Т. 1. С. 26–28].

⁹ О переключке письма и статьи свидетельствует упоминание Жуковским журнала «Французский Меркурий», на который ссылается как на образец Вяземский в своей статье.

¹⁰ См. подробнее о диалоге общественных и эстетических взглядов Жуковского и Вяземского [37].

¹¹ См. обзор этих произведений [21. С. 70–96].

¹² Ср. также письмо Вяземского от 16 февраля 1822 г. [60. Л. 5–5 об.].

¹³ Злободневная (*франц.*).

¹⁴ Довольно, хватит (*итал.*).

¹⁵ К сожалению, упоминаемое Вяземским в первой половине февраля 1826 г. письмо Жуковского с описанием восстания не сохранилось. Вероятно, его содержание было схожим с письмом к А.И. Тургеневу от 16/28 декабря 1825 г. [5. Т. 16. С. 283–290].

¹⁶ См. письмо А.И. Тургенева к Вяземскому от 3 мая 1826 г.: «Я писал уже к тебе чрез Жихарева, что Николай Михайлович едет на фрегате “Елена”, который готов будет к 15-му мая или немного позже. <...> Дети обрадовались твоему намерению провожать их <...>. Жуковский, так же, как и я, одобряет мысль твою, тем более, что им нужен бы был кто-нибудь в пути на всякий случай <...>. Но этого без тебя решить нельзя» [7. Т. 3. С. 139–140].

¹⁷ См. о судьбе статьи в письме Вяземского А.И. Тургеневу от 1 января 1828 г. [7. Т. 3. С. 172–176].

¹⁸ Атрибутировано Д.Н. Блудову в кн.: [21. С. 159].

¹⁹ Фрондер по духу и характеру (*франц.*).

²⁰ Полный текст письма см.: [43. С. 310–311].

²¹ Вне закона (*франц.*).

²² Поджигатель (*франц.*).

ЛИТЕРАТУРА

- Ивинский Д.П. Пометы кн. П.А. Вяземского на полях «Писем русского путешественника» // Stephanos. 2017. № 3 (23). С. 85–95.
- Письма В.А. Жуковского к Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу // Русский архив. 1867. № 12. Стб. 1385–1439.
- Гиллельсон М.И. Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского (1842–1852) // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1979. Л.: Наука, 1980. С. 34–75.
- «Мы столько прожили с тобой на свете...» Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского 1807–1852 гг.: в 2 т. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2021 (в печати).
- Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 1999–2019. Т. 1–16.
- Киселев В.С., Лебедева О.Б. Письма к В.А. Жуковскому как феномен русской культуры и эдичионная проблема // Жуковский: Исследования и материалы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2020. Вып. 4. С. 5–37.
- Остафьевский архив князей Вяземских. СПб.: Изд. гр. С.Д. Шереметева, 1899–1913. Т. 1–5.
- Архив братьев Тургеневых. Петроград: Изд. Отд. рус. яз. и словесности Рос. академии наук, 1921. Вып. 6. 550 с.
- Сочинения В.А. Жуковского: в 6 т. / под ред. П.А. Ефремова. Изд. 7-е, исправ. и доп. СПб.: Изд. И.И. Глазунова, 1878. Т. 6. 690 с.
- Сборник ОРЯС Императорской академии наук. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1880. Т. 20, № 5. С. 164.
- Русский архив. 1896. № 10. С. 205–208.
- Старина и новизна. 1897. Кн. 1. С. 60–61.
- Русская старина. 1901. № 7. С. 102.
- Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1907. Вып. 1. Отд. 2. С. 42–45.
- Русский библиофил. 1912. № 7/8. С. 39.
- Старина и новизна. 1916. Кн. 20. С. 234–246.
- Жуковский В.А. Собрание сочинений: в 4 т. М.-Л.: ГИХЛ, 1960. Т. 4. 783 с.
- Жуковский В.А. Стихотворения: в 2 т. Л.: Советский писатель, 1939. Т. 1. 420 с.

19. Огонек. 1949. № 23. С. 9.
20. Литературное наследство. М. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 58. 1059 с.
21. Гиллельсон М.И. Вяземский. Жизнь и творчество. Л. : Наука, 1969. 391 с.
22. Пухов В.В. Неизданные письма В.А. Жуковского // Русская литература. 1975. № 1. С. 121–126.
23. Пухов В.В. Первое послание В.А. Жуковского к П.А. Вяземскому // Русская литература. 1983. № 1. С. 187–189.
24. «Арзамас». Сборник : в 2 кн. М. : Художественная литература, 1994.
25. Русская литература. 2009. № 3. С. 95–97.
26. Вяземский П.П. А.С. Пушкин 1816–1825 по документам Остафьевского архива кн. П.П. Вяземского. СПб. : Тип. П. Цитовича, 1880. 77 с.
27. Вяземский П.П. А.С. Пушкин 1826–1837 по документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям. СПб. : Тип. П. Цитовича, 1880. 96 с.
28. Семь автографов А.С. Пушкина. 1816–1837. Из собрания кн. П.П. Вяземского. СПб. : Фотолитограф. Н. Индутаго, 1880. 24 л.
29. Батюшков К.Н. Сочинения : в 3 т. СПб. : Изд. П.Н. Батюшкова, 1887. Т. 1. 461 с.
30. Русский архив. 1900. № 2. С. 181–208; № 3. С. 355–390.
31. Русский архив. 1906. № 9. С. 132–133.
32. Русская старина. 1902. № 10. С. 202–208.
33. Kauchtschischwili N. L'Italia nella vita e nell'opera di P. A. Vjâzemskij. Milano: Vita e Pensiero, 1964. 390 p.
34. Встречи с прошлым : сб. материалов ЦГАЛИ. М. : Советская Россия, 1982. Вып. 4. 543 с.
35. Квятковская Н.К. Остафьево. М. : Советская Россия, 1990. 260 с.
36. Бондаренко В.В. Вяземский. М. : Молодая гвардия, 2004. 736 с.
37. Прохорова И.Е. Социально-философская установка и творческая позиция писателя-публициста (полемика вокруг послания П.А. Вяземского «Сибирякову») // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 73–78.
38. Прохорова И.Е. Критические, публицистические и издательские опыты В.А. Жуковского первой четверти XIX века в оценках П.А. Вяземского // Из истории русской литературы и журналистики: Ежегодник. М. : Ф-т журналистики МГУ, 2009. С. 105–134.
39. Панов С.И. Из литературной почты «Арзамаса» // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 179–198.
40. Акулышин П.В. П.А. Вяземский: Власть и общество в дореформенной России. М. : Памятники исторической мысли, 2001. 238 с.
41. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб. : Тип. Импер. акад. наук, 1904. 550 с.
42. Афанасьев В.В. Жуковский. М. : Молодая гвардия, 1986. 399 с.
43. Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848). М. : Изд-во АН СССР, 1963. 513 с.
44. Лебедева О.Б., Янушкевич А.С. В.А. Жуковский и П.А. Вяземский: К истории личных и творческих отношений (по материалам архива и библиотеки В.А. Жуковского) // Проблемы метода и жанра. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1986. Вып. 13. С. 56–70.
45. Прохорова И.Е. П.А. Вяземский о В.А. Жуковском-прозаике: «свое по поводу чужого» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2012. № 4. С. 128–139.
46. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 198. Оп. 2. № 21.
47. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 19096.
48. Вяземский П.А. Полное собрание сочинений : в 12 т. СПб. : Изд. гр. С.Д. Шереметева, 1878–1896.
49. Русская старина. 1896. Т. 88. С. 678–679.
50. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1250a.
51. РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 20.
52. Литературный архив. СПб. : Наука, 1994. 400 с.
53. Гинзбург Л.Я. Примечания // Вяземский П.А. Стихотворения. М.; Л. : Советский писатель, 1958. С. 418.
54. Прохорова И.Е. «Арзамас», либеральная идея и «памфлетер» П.А. Вяземский // Медиаскоп. 2015. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/1725#29>
55. Янушкевич А.С. Письма В.А. Жуковского к царственным особам как феномен русской словесной культуры и общественной мысли // Жуковский : Исследования и материалы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Вып. 2. С. 45–76.
56. Киселев В.С. Письма царственных особ к В.А. Жуковскому как феномен русской культуры // Письма царственных особ к В.А. Жуковскому. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2020. С. 3–43.
57. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М. : Наука, 2006. 523 с.
58. Прохорова И.Е. Литературно-публицистическая деятельность П.А. Вяземского «варшавского периода»: развитие либерально-конституционных идей // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 3. С. 74–79.
59. Степанищева Т. «Арзамасский уполномоченный слушатель»: П.А. Вяземский в Варшаве // Статьи на случай: сб. в честь 50-летия Р.Г. Лейбова. Тарту, 2013. URL: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Stepanishcheva.pdf
60. Рукописный отдел Института русской литературы РАН (РО ИРЛИ). № 27985.
61. Дубровин Н.Ф. В.А. Жуковский перед судом Санкт-Петербургского цензурного комитета // Русская старина. 1900. Т. 102. С. 68–86.
62. Кошелев В.А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. М. : Современник, 1987. 351 с.
63. Кутанов Н. (Дурылин С.Н.) Декабрист без декабря // Декабристы и их время. М. : Изд-во Всесийского общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. Т. 2. С. 201–290.
64. Лотман Ю.М. П.А. Вяземский и движение декабристов // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1960. Вып. 98. С. 24–142.
65. РО ИРЛИ. Ф. 309. № 4795.
66. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский и А.И. Тургенев в литературных кружках Дрездена (1826–1827 гг.) // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. Ч. CCCLIX. Т. 5. С. 159–183.
67. Дурылин С.Н. П.А. Вяземский и «Revue Encyclopédique» // Литературное наследство. М. : Изд-во АН СССР, 1937. Т. 31/32. С. 89–108.
68. Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб. : Изд. А.С. Суворина, 1889. Т. 2. 505 с.
69. Дубровин Н.Ф. Н.А. Полевой, его сторонники и противники по «Московскому телеграфу» // Русская старина. 1903. № 2. С. 259–270.
70. Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб. : Изд. С.В. Бунина, 1909. 614 с.
71. Гиллельсон М.И. Письмо А.Х. Бенкендорфа к П.А. Вяземскому о «Московском телеграфе» // Пушкин. Исследования и материалы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. Т. 3. С. 418–422.
72. Переписка великого князя Константина Павловича с графом А.Х. Бенкендорфом // Русский архив. 1884. № 6. С. 245–328.
73. Модзалевский Б.Л. Пушкин под тайным надзором. Петроград : Парфенон, 1922. 56 с.
74. Эйдельман Н. Пушкин и его друзья под тайным надзором // Вопросы литературы. 1985. № 2. С. 128–139.
75. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 3. 1 экспедиция. 1828. № 506. Ч. II.
76. Киселев В.С. «Вино, публичные девки и сарказмы против правительства...» : дело П.А. Вяземского 1828–1830 гг. по неопубликованным документам и переписке // Жуковский и другие : материалы Международных научных чтений памяти Александра Сергеевича Янушкевича: К 75-летию со дня рождения. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2020. С. 285–325.
77. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. 1 экспедиция

Статья представлена научной редакцией «Философия» 19 сентября 2021 г.

Pyotr Vyazemsky and Vasily Zhukovsky in 1807–1829: The History of Personal and Creative Relationships (Based on Correspondence)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 21–38.

DOI: 10.17223/15617793/471/3

Vitaly S. Kiselev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Keywords: Pyotr Vyazemsky; Vasily Zhukovsky; correspondence; personal relationships; biography; creative relationships.

The research was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation (RSF), Grant No.19-18-00083 “Russian Epistolary Culture of the First Half of the 19th Century: Textology, Commentary, Publication”.

The article evaluates the role of correspondence in the epistolary heritage of two poets, Vyazemsky and Zhukovsky, and offers a complete overview of the archival and editing fate of their surviving letters. The overview allows concluding that less than half of Zhukovsky's letters and about a third of Vyazemsky's letters have been introduced into scholarly discourse so far. The fragmentary publication of the correspondence also determined the insufficient study of the history of mutual relations between the two poets, which has never become the object of an independent analysis. Friendship between Vyazemsky and Zhukovsky was deeply conditioned by the peculiarities of their personalities: Zhukovsky completely inherited the sentimentalist cult of close friendship as a deep emotional contact, reaching the level of genuine intimacy, and he allowed very few such relationships. Vyazemsky, who entered high society at an early age, had little experience of such close communication, his type of friendship was not an interpenetration of souls, but an intensive exchange of emotions, thoughts, statements, gestures. The article highlights and characterizes the main stages of the poets' communication. Their friendship was formed in 1807–1809. In Zhukovsky, young Vyazemsky found a benevolent connoisseur, a strict editor, and a literary mentor. The following eight years (1810–1817) for Zhukovsky became the time of a wide literary and public recognition, culminating with active organizational activities as the actual head of Arzamas and entry into the court circle. For Vyazemsky, it was a period of shaping his poetic manner and determining his own place in modern literature. Literary mentoring obviously turned into an equal cooperation, in which the diverse Arzamas communications helped to maintain unity and show individual positions. In 1818–1821, the difference in the poets' life strategies and artistic and ideological attitudes determined a new nature of communication – an intensive dialogue on social and literary topics, fueled by Zhukovsky's cultural activities in the court environment and Vyazemsky's experiences of independent civic activities in Warsaw. Cooperation, assistance, and joint participation in literary projects determined the mode of the predominantly epistolary communication between Vyazemsky and Zhukovsky in 1822–1827. This period was marked by a number of converging crises: caring for the sick K.N. Batyushkov, the Decembrist Uprising and its consequences for the Turgenev brothers, the death of N.M. Karamzin, changes in the position of A.S. Pushkin. Vyazemsky perceived the courtier poet Zhukovsky, with his numerous Arzamas friends going up the career ladder, as an intercessor to the Petersburg literary high life and a defender from censorship; Zhukovsky perceived the young literary journalist as both the Moscow chargé d'affaires, a news deliverer, and a kind of a voice of the Arzamas of the past. The breakthrough was in 1828–1829, when, on false denunciations, a case on Vyazemsky's “depraved behavior” was initiated, which demanded Zhukovsky's active help in removing the disgrace.

REFERENCES

1. Ivinskiy, D.P. (2017) Count Pyotr Vyazemsky's Marginalia on “The Letters of the Russian Traveller” by N.M. Karamzin. *Stephanos*. 3 (23). pp. 85–95. (In Russian).
2. Zhukovskiy, V.A. (1867) Pis'ma V.A. Zhukovskogo k Ego Imperatorskomu Vysochestvu Velikomu Knyazyu Konstantinu Nikolaevichu [Letters from V.A. Zhukovsky to His Imperial Highness Grand Duke Konstantin Nikolaevich]. *Russkiy arkhiv*. 12. Columns 1385–1439.
3. Gillel'son, M.I. (1980) Perepiska P.A. Vyazemskogo i V.A. Zhukovskogo (1842–1852) [Correspondence between P.A. Vyazemsky and V.A. Zhukovsky (1842–1852)]. In: *Pamyatniki kul'tury: Novye otkrytiya. Ezhegodnik 1979* [Monuments of Culture: New Discoveries. Yearbook 1979]. Leningrad: Nauka. pp. 34–75.
4. Kiselev, V.S. (ed.) (2021) “My stol'ko pozhili s toboy na svete...” *Perepiska P.A. Vyazemskogo i V.A. Zhukovskogo 1807–1852 gg.: v 2 t.* [“We have lived so long with you in the world ...” Correspondence between P.A. Vyazemsky and V.A. Zhukovsky, 1807–1852: in 2 volumes]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Zhukovskiy, V.A. (1999–2019) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 volumes]. Vols 1–16. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
6. Kiselev, V.S. & Lebedeva, O.B. (2020) Pis'ma k V.A. Zhukovskomu kak fenomen russkoy kul'tury i editsionnaya problema [Letters to V.A. Zhukovsky as a Phenomenon of Russian Culture and an Editing Problem]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and Materials]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State University. pp. 5–37.
7. Saitov, V.I. (ed.) (1899–1913) *Ostaf'evskiy arkhiv knyazey Vyazemskikh* [Ostafievo Archive of Princes Vyazemsky]. Vols 1–5. St. Petersburg: Izd. gr. S.D. Sheremeteva.
8. Kul'man, N.K. (ed.) (1921) *Arkhiv brat'ev Turgenevykh* [Archive of the Turgenev brothers]. Vol. 6. Petrograd: Department of Russian language and Literature, RAS.
9. Efremov, P.A. (ed.) (1878) *Sochineniya V.A. Zhukovskogo: v 6 t.* [Works by V.A. Zhukovsky: in 6 volumes]. 7th ed. Vol. 6. St. Petersburg: Izd. I.I. Glazunova.
10. Lamanskiy, V.I., Sobolevskiy, A.I. & Anichkov, E.V. (1880) *Sbornik ORYaS Imperatorskoy akademii nauk* [Collection of the Department of Russian language and Literature, the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 20 (5). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. p. 164
11. *Russkiy arkhiv*. (1896) 10. pp. 205–208.
12. *Starina i novizna*. (1897) 1. pp. 60–61.
13. *Russkaya starina*. (1901) 7. p. 102.
14. Veselovskiy, A.N. (ed.) (1907) *Pamyati V.A. Zhukovskogo i N.V. Gogolya* [In memory of V.A. Zhukovsky and N.V. Gogol]. Vol. 1 (2). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 42–45.
15. *Russkiy bibliofil*. (1912) 7/8. pp. 39.
16. *Starina i novizna*. (1916) 20. pp. 234–246.
17. Zhukovskiy, V.A. (1960) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow; Leningrad: GIKhL.
18. Zhukovskiy, V.A. (1939) *Stikhotvoreniya: v 2 t.* [Poems: in 2 vols]. Vol. 1. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
19. *Ogonek*. (1949) 23. p. 9.
20. Egozin, A.M. et al. (eds) (1952) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 58. Moscow: USSR AS.
21. Gillel'son, M.I. (1969) *Vyazemskiy. Zhizn' i tvorchestvo* [Vyazemsky. Life and oeuvre]. Leningrad: Nauka.

22. Pukhov, V.V. (1975) Neizdannnye pis'ma V.A. Zhukovskogo [Unpublished letters of V.A. Zhukovsky]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 121–126.
23. Pukhov, V.V. (1983) Pervoe poslanie V.A. Zhukovskogo k P.A. Vyazemskomu [The first letter of V.A. Zhukovsky to P.A. Vyazemsky]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 187–189.
24. Vatsuro, V.E. & Ospovat, A.L. (eds) (1994) "Arzamas". *Sbornik: v 2 kn.* ["Arzamas". Collection: in 2 books]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1994.
25. *Russkaya literatura*. (2009) 3. pp. 95–97.
26. Vyazemskiy, P.P. (1880) *A.S. Pushkin 1816–1825 po dokumentam Ostaf'evskogo arkhiva kn. P.P. Vyazemskogo* [A.S. Pushkin in 1816–1825 according to the documents of the Ostafievo archive of Prince P.P. Vyazemsky]. St. Petersburg: Tip. P. Tsitovicha.
27. Vyazemskiy, P.P. (1880) *A.S. Pushkin 1826–1837 po dokumentam Ostaf'evskogo arkhiva i lichnym vospominaniyam* [A.S. Pushkin in 1826–1837 according to the documents of the Ostafievo archive of Prince P.P. Vyazemsky and personal memoirs]. St. Petersburg: Tip. P. Tsitovicha.
28. Pushkin, A.S. (1880) *Sem' avtografov A.S. Pushkina. 1816–1837. Iz sobraniya k. P.P. Vyazemskogo* [Seven autographs of A.S. Pushkin. 1816–1837 From the collection of Prince P.P. Vyazemsky]. St. Petersburg: Fotolitogr. N. Indutnogo.
29. Batyushkov, K.N. (1887) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Izd. P.N. Batyushkova.
30. *Russkiy arkhiv*. (1900) 2. pp. 181–208; 3. pp. 355–390.
31. *Russkiy arkhiv*. (1906) 9. pp. 132–133.
32. *Russkaya starina*. (1902) 10. pp. 202–208.
33. Kauchtschischwili, N. (1964) *L'Italia nella vita e nell'opera di P. A. Vjâzemskij*. Milano: Vita e Pensiero.
34. Volkova, N.B. (ed.) (1982) *Vstrechi s proshlym: sb. materialov TsGALI* [Meetings with the past: Collection of materials of the Central State Archive of Literature]. Vol. 4. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
35. Kvyatkovskaya, N.K. (1990) *Ostaf'ev* [Ostafievo]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
36. Bondarenko, V.V. (2004) *Vyazemskiy* [Vyazemsky]. Moscow: Molodaya gvardiya.
37. Prokhorova, I.E. (2007) *Sotsial'no-filosofskaya ustanovka i tvorcheskaya pozitsiya pisatelya-publitsista (polemika vokrug poslaniya P.A. Vyazemskogo "Sibiryakovu")* [Sociophilosophical attitude and creative position of the writer-journalist (controversy around P.A. Vyazemsky's message "To Sibiryakov")]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 294. pp. 73–78.
38. Prokhorova, I.E. (2009) Kriticheskie, publitsisticheskie i izdatel'skie opyty V.A. Zhukovskogo pervoy chetverti XIX veka v otsenkakh P.A. Vyazemskogo [Critical, journalistic and publishing experiments of V.A. Zhukovsky in the first quarter of the 19th century in the evaluations of P.A. Vyazemsky]. In: *Iz istorii russkoy literatury i zhurnalistiki: Ezhegodnik* [From the history of Russian literature and journalism: Yearbook]. Moscow: Faculty of Journalism of Moscow State University. pp. 105–134.
39. Panov, S.I. (2016) Iz literaturnoy pochty "Arzamasa" [From the literary mail of "Arzamas"]. *Literaturnyy fakt*. 1–2. pp. 179–198.
40. Akul'shin, P.V. (2001) *P.A. Vyazemskiy: Vlast' i obshchestvo v doreformennoy Rossii* [P.A. Vyazemsky: Power and Society in Pre-Reform Russia]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
41. Veselovskiy, A.N. (1904) *V.A. Zhukovskiy. Poeziya chuvstva i "serdechnogo voobrazheniya"* [V.A. Zhukovsky. Poetry of feeling and "cordial imagination"]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
42. Afanas'ev, V.V. (1986) *Zhukovskiy* [Zhukovsky]. Moscow: Molodaya gvardiya.
43. Vyazemskiy, P.A. (1963) *Zapisnye knizhki (1813–1848)* [Notebooks (1813–1848)]. Moscow: USSR AS.
44. Lebedeva, O.B. & Yanushkevich, A.S. (1986) V.A. Zhukovskiy i P.A. Vyazemskiy: K istorii lichnykh i tvorcheskikh otnosheniy (po materialam arkhiva i biblioteki V.A. Zhukovskogo) [V.A. Zhukovsky and P.A. Vyazemsky: On the history of personal and creative relationships (based on materials from the archive and library of V.A. Zhukovsky)]. In: *Problemy metoda i zhanra* [Problems of Method and Genre]. Vol. 13. Tomsk: Tomsk State University. pp. 56–70.
45. Prokhorova, I.E. (2012) P.A. Vyazemskiy o V.A. Zhukovskom-prozaika: "svoe po povodu chuzhogo" [P.A. Vyazemsky about V.A. Zhukovsky as a prose writer: "one's own about someone else's"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 4. pp. 128–139.
46. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 198. List 2. File 21.
47. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 195. List 1. File 1909b.
48. Vyazemskiy, P.A. (1878–1896) *Polnoe sobranie sochineniy: v 12 t.* [Complete works: in 12 vols]. St. Petersburg: Izd. gr. S.D. Sheremeteva.
49. *Russkaya starina*. (1896) 88. pp. 678–679.
50. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 195. List 1. File 1250a.
51. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 198. List 2. File 20.
52. Grigor'yan, K.N. (ed.) *Literaturnyy arkhiv* [Literary archive]. St. Petersburg: Nauka.
53. Ginzburg, L.Ya. (1958) Primechaniya [Notes]. In: Vyazemskiy, P.A. *Sikhotvoreniya* [Poems]. Moscow; Leningrad: Sovetskii pisatel'. p. 418.
54. Prokhorova, I.E. (2015) "Arzamas", liberal'naya ideya i "pamfleter" P.A. Vyazemskiy ["Arzamas", the liberal idea, and the "pamphleteer" P.A. Vyazemsky]. *Mediascope – Mediascope*. 2. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/1725#29>
55. Yanushkevich, A.S. (2013) Pis'ma V.A. Zhukovskogo k tsarstvennym osobam kak fenomen russkoy slovesnoy kul'tury i obshchestvennoy mysli [Letters from V.A. Zhukovsky to royal persons as a phenomenon of Russian literary culture and social thought]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and Materials]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 45–76.
56. Kiselev, V.S. (2020) Pis'ma tsarstvennykh osob k V.A. Zhukovskomu kak fenomen russkoy kul'tury [Letters from royal persons to V.A. Zhukovsky as a phenomenon of Russian culture]. In: *Pis'ma tsarstvennykh osob k V.A. Zhukovskomu* [Letters from royal persons to V.A. Zhukovsky]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–43.
57. Yanushkevich, A.S. (2006) *V mire Zhukovskogo* [In the world of Zhukovsky]. Moscow: Nauka.
58. Prokhorova, I.E. (2005) Literaturno-publitsisticheskaya deyatel'nost' P.A. Vyazemskogo "varshavskogo perioda": razvitie liberal'no-konstitutsionnykh idey [Literary and journalistic activity of P.A. Vyazemsky in the "Warsaw period": the development of liberal-constitutional ideas]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 3. pp. 74–79.
59. Stepanishcheva, T. (2013) "Arzamasskiy upolnomochennyy slushatel'": P.A. Vyazemskiy v Varshave ["The authorized listener of Arzamas": P.A. Vyazemsky in Warsaw]. [Online] Available from: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Stepanishcheva.pdf
60. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (RO IRLI). File 27985.
61. Dubrovin, N.F. (1900) V.A. Zhukovskiy pered sudom Sankt-Peterburgskogo tsenzurnogo komiteta [V.A. Zhukovsky before the trial of the St. Petersburg censorship committee]. *Russkaya starina*. 102. pp. 68–86.
62. Koshelev, V.A. (1987) *Konstantin Batyushkov. Stranstviya i strasti* [Konstantin Batyushkov. Wanderings and passions]. Moscow: Sovremennik.
63. Kutanov, N. (Durylin, S.N.) (1932) Dekabrist bez dekabrya [A Decembrist without a December]. In: *Dekabristy i ikh vremya* [Decembrists and their time]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo Vsesiyskogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev. pp. 201–290.
64. Lotman, Yu.M. (1960) P.A. Vyazemskiy i dvizhenie dekabristov [P.A. Vyazemsky and the Decembrist Movement]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. 98. pp. 24–142.
65. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (RO IRLI). Fund 309. File 4795.
66. Veselovskiy, A.N. (1905) V.A. Zhukovskiy i A.I. Turgenev v literaturnykh kruzhkakh Drezdena (1826–1827 gg.) [V.A. Zhukovsky and A.I. Turgenev in the literary circles of Dresden (1826–1827)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. CCCLIX (5). pp. 159–183.
67. Durylin, S.N. (1937) P.A. Vyazemskiy i "Revue Encyclopédique" [P.A. Vyazemsky and Revue Encyclopédique]. In: Lebedev-Polyanskiy, P.I. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 31/32. Moscow: USSR AS. pp. 89–108.

68. Sukhomlinov, M.I. (1889) *Issledovaniya i stat'i po russkoy literature i prosveshcheniyu* [Research and articles on Russian literature and education]. Vol. 2. St. Petersburg: Izd. A.S. Suvorina.
69. Dubrovin, N.F. (1903) N.A. Polevoy, ego storonniki i protivniki po "Moskovskomu telegrafu" [N.A. Polevoy, his supporters and opponents in Moskovskiy Telegraf]. *Russkaya starina*. 2. pp. 259–270.
70. Lemke, M.K. (1909) *Nikolaevskie zhandarmy i literatura 1826–1855 gg.* [Nicholas's Gendarmes and Literature of 1826–1855]. St. Petersburg: Izd. S.V. Bunina.
71. Gillel'son, M.I. (1960) Pis'mo A.Kh. Benckendorfa k P.A. Vyazemskomu o "Moskovskom telegrafe" [Letter from A.Kh. Benckendorff to P.A. Vyazemsky about Moskovskiy Telegraf]. In: Izmaylov, N.V. (ed.) *Pushkin. Issledovaniya i materialy* [Pushkin. Research and materials]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 418–422.
72. *Russkiy arkhiv*. (1884) Perepiska velikogo knyazya Konstantina Pavlovicha s grafom A.Kh. Benckendorfom [Correspondence of Grand Duke Konstantin Pavlovich with Count A.Kh. Benckendorff]. 6. pp. 245–328.
73. Modzalevskiy, B.L. (1922) *Pushkin pod taynym nadzorom* [Pushkin under secret supervision]. Petrograd: Parfenon.
74. Eydel'man, N. (1985) Pushkin i ego druz'ya pod taynym nadzorom [Pushkin and his friends under secret supervision]. *Voprosy literatury*. 2. pp. 128–139.
75. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 3. *1 ekspeditsiya* [Expedition 1]. 1828. 506. Part II.
76. Kiselev, V.S. (2020) "Vino, publichnye devki i sarkazmy protiv pravitel'stva...": delo P.A. Vyazemskogo 1828–1830 gg. po neopublikovannym dokumentam i perepiske ["Wine, girls of easy virtue, and sarcasms against the government ...": the 1828–1830 case of P.A. Vyazemsky according to unpublished documents and correspondence]. In: Lebedeva, O.B. (ed.) *Zhukovskiy i drugie: materialy Mezhdunarodnykh nauchnykh chteniy pamyati Aleksandra Sergeevicha Yanushkevicha: K 75-letiyu so dnya rozhdeniya* [Zhukovsky and others: materials of the International Readings in memory of Alexander Yanushkevich: On the occasion of the 75th anniversary of his birth]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 285–325.
77. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 4. *1 ekspeditsiya* [Expedition 1].

Received: 19 September 2021